

Русские святые и подвижники

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Христианский Православный
Благотворительный Фонд
«Преображение»

Москва, 2000

Димитрий Донской

Отпечатано по изданию: «Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище». Издание второе. М., 1845.

Печать позволяет, с тем чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный комитет указанное число экземпляров. Москва, 7 мая 1844 г. Цензор — статский советник и кавалер И. Снегирев. (1793—1868, известный церковный историк и москвовед).

Сохранен стиль книги, выпущенной в 1845 году, издание дополнено историческими документами (договорные и духовная грамоты из книги: «Димитрий Иоаннович Донской, первоначальник Русской славы». М. 1837) и очерком И. Забелина.

Издатели выражают признательность за помощь в подготовке книги Владимиру Васильевичу Дробышеву.

Книга продолжает серию «Русские святые и подвижники».

При подготовке книг используются редкие издания дореволюционного периода

ISBN 5-901156-11-0

© Составление, подготовка и оформление
Фонд «Преображение». 2000 г.

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Великий князь Димитрий был сыном великого князя Иоанна II Кроткого, внуком Иоанна Калиты. Благоверный Московский князь Димитрий родился в 1350 году. Детство святого Димитрия прошло под непосредственным влиянием святого митрополита Алексия, бывшего другом и советником отцу его, великому князю Иоанну Иоанновичу. Поначалу роль святителя в государственной деятельности сводилась к духовной поддержке первого среди русских князей, но по смерти Иоанна II в 1359 году митрополит стал фактическим главой русских княжеств. На него, возглавившего боярскую думу, легла ответственность за весь ход политических дел на Руси. Девятилетнему Димитрию святой Алексий на долгое время заменил отца.

После кончины в 1359 году его отца Иоанна II великокняжеский ярлык на время был Москвой утрачен: малолетнему князю Московскому Орда предпочла Суздальского Димитрия Константиновича, мужа зрелого. Но в 1362 году в результате очередного переворота в Орде пришел к власти хан Амурат. Сочтя действия своих предшественников незаконными, он направил великокняжеский ярлык с послом в Москву.

Под руководством митрополита князь постепенно приобрел ту особую мудрость государственного правителя, которую современники связывали с его личностью. Москва возвышалась. Она укрепила союз и с Суздалем, завершившийся в 1366 году браком великого князя

Димитрия Иоанновича и Суздальской княжны Евдокии Димитриевны.

Тем не менее постоянная трудность положения великого князя Димитрия состояла в том, что практически на протяжении всей жизни ему приходилось вести непрекращающиеся войны с многочисленными врагами. Кроме постоянного противостояния Руси держав внешних — Орды и Литвы, великий князь должен был неусыпно помнить о противниках внутрирусских, сильнейшими из которых были княжества Нижегородское, Рязанское и особенно Тверское.

В 1371 году Тверской князь Михаил отправился к Мамаю просить ярлыка для себя. Мамай, который уже давно с опаской наблюдал за действиями Московского князя Димитрия, давно не выплачивавшего ему дани, охотно дал ярлык Михаилу. В Москву же был направлен посол Сарыхожа с приглашением Димитрия во Владимир на венчание Михаила. На это великий князь ответил: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист». Главным в этом поступке было неповиновение Орде, и в деле весьма важном. Вскоре, в этом же году, Димитрий Иоаннович отправился в Орду, чтобы прекратить происки Михаила. На этот поступок, как и на прочие свои важные

*Свт. Алексий,
митрополит Московский
и всяя России*

политиче
ские м
ещ сам
Ни
она вели
ни. Три
ишь клк
езд Але
воцкий,
Вели
митрик,
которым
звуча в
его бор
и по-ан
и такой
ил он жи
ли и на
и вышл
ал, а в м
и. Всегд
рост Кри
и чисто
решае
ростать.
завск»
Симен
по целог
всего и
тесский
преддвер
дательны

политические действия, великий князь имел благословение митрополита Алексия. Восьмидесятилетний старец сам сопровождал его до самой Коломны.

Ни одного значительного государственного решения великий князь не принял без благословения Церкви. Три фигуры, облеченные духовным саном, оказались ключевыми для его жизненного пути: это святитель Алексей, преподобный Сергий и Феодор Симонский, впоследствии архиепископ Ростовский.

Великий князь Димитрий Иоаннович — выдающийся политик, государственный деятель и воин. Одно из имен, которым наделяет древний книжник Димитрия Иоанновича в похвалу ему, — «с Богом все творящий и за Него борющийся». «Царским саном облеченный, жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных». «Землею Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облекаться желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а крест Христов на плечах носил, божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресенье Святых Таин приобщался. С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать. Поистине земной явился ангел и небесный человек».

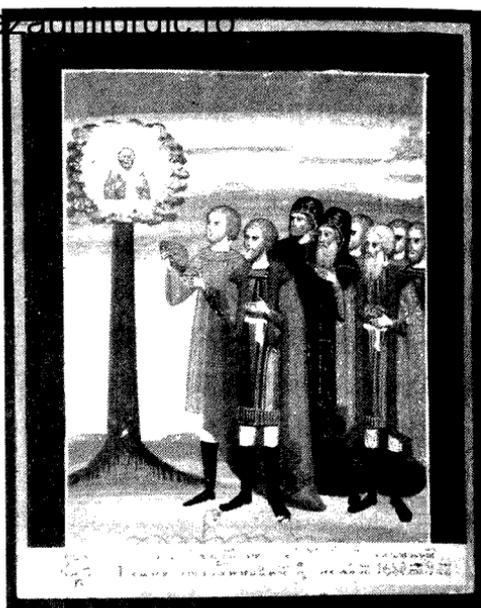
С именем Димитрия Иоанновича связано строительство целого ряда новых монастырей и храмов. По благословению преподобного Сергия он заложил в 1378 году Успенский Стромьинский монастырь. Предполагалось, в преддверии решающей битвы с Ордой собрать в него молитвенников со всей Русской земли, чтобы духовно

поддержать Русь. Настоятелем монастыря стал ученик преподобного Сергия Леонтий. Другой, также Успенский монастырь, великий князь построил в благодарность Богу за победу в Куликовской битве. Его называют монастырем на реке Дубенке. Первым его игуменом также был ученик преподобного Сергия, святой Савва Звенигородский. На самом Куликовом поле был построен монастырь Рождества Богородицы — победа произошла именно в этот праздник.

Также после победы Димитрий Иоаннович построил Николо-Угрешский монастырь под Москвой и церковь Всех святых на Кулишках в Москве. В 1379 году с помощью преподобного Сергия благоверный князь выстроил Голутвинский монастырь, а также каменный Успенский собор Симонова Московского монастыря.

Приближался грозный 1380 год. Узнав о приготовлениях Мамай, великий князь Димитрий Иоаннович начал собирать силы для отпора. Русской земле угрожало повторение страшных ударов 1237 — 1240 гг. Наступил решающий момент.

На второй день Успения великий князь со свитой отправился в Троицкий монастырь. После литургии преподобный Сергий благословил благоверного князя идти

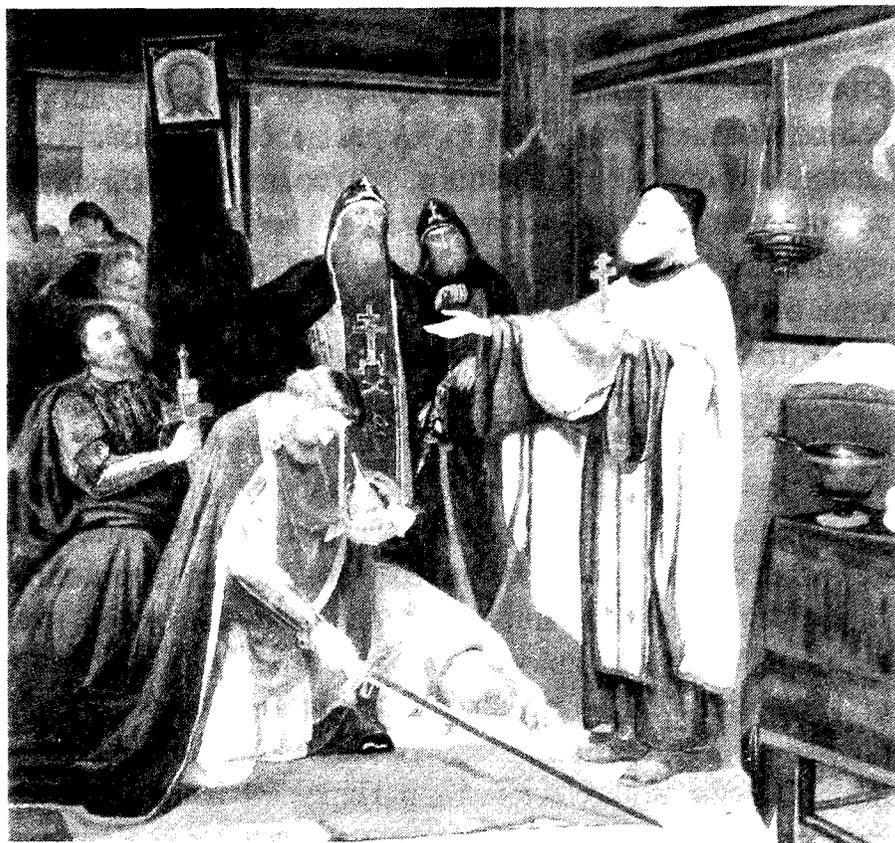

Явление иконы свт. Николая на Угреше князю Димитрию Донскому в 1380 г.

Икона XX в. ГИМ

на битву, уповая на Бога, и предсказал победу русским войскам.

Перед выступлением великого князя против татар произошло, как Божественное знамение, чудесное событие: во Владимире были обретены мощи благоверного князя Александра Невского, прадеда Дмитрия Иоанновича.

*При. Сергей Радонежский благословляет
вел. кн. Дмитрия Донского на битву с Мамаем. 1380 г.*

Худ. А.Н. Новоскольцев.

Инок — пономарь той церкви, где находилась гробница князя, ночью спавший на паперти, внезапно увидел, что свечи, стоящие перед иконами, сами собой загорелись и к гробу подошли два старца, вышедшие из алтаря. Обра-

www.tezaur.ru
тившись к лежащему там татарию, они воззвали к нему, понуждая встать и выйти на помощь правнуку, идущему на бой с иноплеменниками. Князь встал и вместе со старцами сделался невидимым. Наутро гроб был выкопан и были обнаружены нетленные мощи. Это событие было достоверным свидетельством незримой помощи великому князю Димитрию со стороны его святых предков.

На призыв великого князя откликнулись почти все княжества. 20 августа после молебнов в Кремле войско великого князя вышло из трех кремлевских ворот. Возле каждой стояли священники, которые благословляли ратников и кропили их освященной водой.

Перед битвой в русский стан из Троицкого монастыря была принесена грамота и просфора с благословением преподобного Сергия. Великий святой молитвенно поддерживал русское воинство, сам же в духе видел весь ход битвы — вплоть до ее исхода, до имен погибших воинов, за которых им же самим были отслужены панихиды. Победа на Куликовом поле была совместной победой сил Русской земли и Русской Церкви, подготовившей, вдохновившей и поддержавшей отпор русских полчищам татар.

Это единство было явлено и в исключительно важном действии: представитель Церкви и лично преподобного Сергия монах Александр Пересвет начал битву и стал первой ее жертвой. Он принял вызов на бой татарского богатыря. Простившись с ближними и призвав себе на помощь молитвы преподобного, с копьем наперевес ринулся на татарина. Столкнувшись друг с другом с неимоверной силой, оба воина погибли в смертной схватке.

Начало битвы предварялось молитвой великого князя перед образом Нерукотворного Спаса, вышитым на стяге.

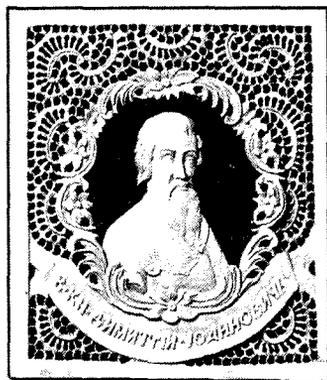
С именем Пресвятой Троицы и Божией Матери на устах, с надеждой на заступничество преподобного Сергия воины начали бой. Битва была многочасовой, яростной, кровопролитной для обеих сторон. Первая половина боя проходила под знаком успеха татар. Но исход был решен вступлением в сражение запасного полка, находящегося в засаде. Свежая конница врезалась в татарское войско — Мамай со своими полками дрогнул и побежал.

Победа в Куликовской битве дорого досталась русским. Многие ратники были похоронены тут же, на поле Куликовом. Тотчас же силами живых была построена кладбищенская церковь, которую посвятили Рождеству Богородицы. За победу на Куликовом поле князь Дмитрий стал именоваться в народе Донским.

Вернувшись в Москву, благоверный князь Дмитрий немедленно отправился к преподобному Сергию. В Троицком монастыре по погибшим воинам служились многочисленные панихиды; был учрежден особый день их ежегодного поминовения, названный Дмитриевской субботой.

Позже он стал днем общего воспоминания усопших предков, родительским днем. Так, в церковной памяти была увековечена Куликовская битва.

Последние годы жизни великого князя были самыми трудными для него. После Куликовской битвы его ждали многие тяжелые испытания. Осенью 1380 года Дмитрия Иоанновича впервые посетили тяжелые бо-

*Плакетка «Великий князь
Дмитрий Иоаннович»
Кость. XVIII в. ГИМ*

лезни. В изнеможении была и Русская земля, оно сказалося при новых испытаниях, посетивших ее. Летом 1382 года с несметным войском новый татарский хан Тохтамыш двинулся на Москву, разоряя русские земли. Уничтожив фактически до основания Москву, враг двинулся в другие русские земли.

Другим большим горем для благоверного Дмитрия было возобновление старой вражды с Тверью. Презрев все письменные обещания, князь Михаил отправился к новому хану просить ярлыка на великое княжение. В 1383 году великий князь Дмитрий был вынужден отправить в Орду своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия, для отстаивания великокняжеского ярлыка. Ценой возобновления ежегодной дани Москве удалось оставить ярлык за собой. Бедами Москвы захотел также воспользоваться Олег Рязанский. Внезапно он начал с Москвой спор из-за Коломны. Преподобный Сергей помог великому князю успешно завершить его тяжбу с Рязанью. Он пришел к князю Олегу и своим кротким словом убедил его заключить мир с Москвой.

Вся жизнь благоверного великого князя Дмитрия Донского протекала под молитвенным покровом преподобного Сергия Радонежского.

Почувствовав приближение смерти, Дмитрий Иоаннович послал за преподобным Сергием. Преподобный, наблюдавший все течение жизни великого князя, не только был главным свидетелем при составлении его духовного завещания, но и преподавал Дмитрию Иоанновичу все необходимые ему христианские таинства.

Согласно его завещанию, великое княжество в качестве вотчины переходило к наследнику престола старшему сыну Василию. Из московских земель Василий по-

сийского церковного величия и следующих подвижников христианского благочестия: благоверного великого князя Московского Дмитрия Донского (1350—1389), показавшего подвиг праведной и благочестивой жизни. В своем ревностном служении Церкви Христовой, патриотических трудах Отечеству и народу в грозные годы вражеского ига он явился истинным сыном Церкви Русской, вдохновляющей и ныне ее верных чад на самоотверженное служение Богу и людям. В недавнем праздновании 600-летия Куликовской битвы утвердилась благодарная почитаемость князя, по слову Евангелия отдавшего «душу свою за други своя» (Ин. 15, 13). Он защищал веру Христову, основывал многие монастыри, строил храмы и благотворительствовал бедным».

Имя великого князя Дмитрия Донского в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны было на устах русских солдат, защищавших родную землю, и вдохновляло их на победу. 30 декабря 1942 года митрополит-Сергий (Страгородский) объявил о начале сбора средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Деньги на танки были собраны Церковью, пастырями, настоятелями многих храмов, прихожанами и верующими. Колонна была сформирована и направлена на фронт — бить врагов России. Это событие еще раз проявило силу подвига и благодарности потомков святому благоверному великому князю Дмитрию Донскому.

*Память святому благоверному великому князю
Дмитрию Донскому празднуется 19 мая.*

*Использованы издания: «Святые правители России». Составитель И. Камшилин. М., 1996. Изд-во «Рарогъ»; «Московские великие и удельные князья и цари». Автор-составитель В.А. Ткаченко. М., 1992. Изд. МП «Поиск».

ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ ДОНСКОЙ, или История о Мамаевом побоище

Междоусобные брани русских князей. Казнь, от Бога на них ниспосланная

Господи Боже мой! Что на Святой Руси делалось! Брат шел войной на брата, сын на отца! Враг лукавый осетил всю Русь: он сеял семена крамол, разжигал буйные страсти и приманкою власти верховной влек русских князей в пучину погибели. «Князь, — шептал он князю в сонном видении, — посмотри на эту багряницу: ты будешь ходить в ней; на этот престол — ты будешь княжить на нем — только свергни с него твоего брата! Убей его! Убей! А если не осилишь на ратном поле — вот тебе нож, вот тебе ядовитое зелье!» И страшное дело, духом тьмы внушенное, наконец свершается: брат гибнет от руки брата. Но престол, обогранный братнею кровью, шаток для его нового властителя. А лукавый успел уже перенестись к другому соседнему князю и тревожить его такими же коварными замыслами: «Что ты, князь, сидишь в бездействии, посмотри, как сосед твой на престоле величается, как гордо в княжеской багрянице расхаживает! Сиди, сложа руки, он и тебя рабом своим сделает! Собирай-ка поскорей свою дружину! Ступай на него войною!» И начинается брань богопротивная! Горят города и предместья, пьет земля

русскую кровь. Господи Боже мой, что на Святой Руси делалось! Умолк голос чести и совести, окаменелись сердца злодеяниями! Мечь! И одна мечь! Все на жертву мести предано и нет конца смутам и раздорам. Безумцы, что вы творите! Грянет час мести Божией — и не спасти вам головы. Недаром в груди ноет так сердце! Недаром верный пес ваш с воем роет по ночам землю; он готовит вам могилу! Недаром испуганный взор ваш зрит страшные видения на небе! В сих вестниках казни небесной сокрыт ваш грядущий жребий! Чу! Слышите ли! Вдалеке уже грохочет гром! Грозные тучи несутся с Востока на русское небо! Ангел истребитель изострил свой кровавый меч! Быть на Руси великому горю! Не миновать ей беды неминуемой.

И приговор Божий исполнился; наступил час кары небесной! Как саранча, как потоки нагорные, нахлынули на Русь татары! Все погибло, всему конец, никому нет пощады, ниотколе нет спасения. Лютым зверем рыщет татарин по Русскому царству: выжигает целые города, грабит храмы Божии, мучит князей и бояр, льет кровь христианскую, уводит жен и девиц в неволю и предает их на поругание. Как рабыню правит он Русью, и Русь — сирота безутешная, проливая горькие слезы, как рабыня ему повинуется; ибо все ее оставили и ни с какой стороны нет преграды злодейской воле ее мучителя. Вот в часы нестерпимых страданий она с мольбою простирает к нему руки: свирепый взгляд и дикий смех — вот ответ на ее мучения. О, Святая моя Родина! Как волна быстротечная пронеслась твоя золотая весна! Где города твои многолюдные? Мечом они попораны, огнем они пожраны! Где нивы твои плодоносные? Конями татарскими потоптаны! И придет боец из чуждых

стран на родное пепелище, и спросит, где жилище родных моих? И укажут ему высокий курган. Что было, что стало! Веселых дней и в помине нет! Бывало в прежнее время, в светлый праздник Господний, православные в праздничных одеждах, с радостными лицами спешат со всех сторон в Божий храм... И ныне двери Божиего храма отверсты, но люди, там стоящие, подобны теням: в сердцах их отчаяние, на их бледных лицах боязнь! Они стоят как преступники перед казнью, они ждут чего-то, но это ожидание невыразимо тяжело!.. И вдруг божественное пение прерывается диким пронзительным криком! Татары окружают церковь, бросаются в нее неистовыми толпами и, надругавшись над святынею, придают Божий храм пламени вместе с находящимися в нем беззащитными жертвами. Ни стон, ни плач, ни старость, ни молодость — ничто не трогает их железных сердец; одна только красота привлекает их сластолюбивые взгляды, и то для того, чтоб, насытив минутную страсть своего нового повелителя, увянуть потом в неволе и тоске, вспоминая о далекой и невозвратной своей родине.

Трепет объемлет сердце, и перо выпадает из рук при описании сих ужасов того грозного времени, когда земля была переполнена человеческими трупами и, по словам летописцев, живые завидовали мертвым. Россия стояла уже на последней ступени своей гибели, мрачная бездна, долженствовавшая поглотить ее и стереть с лица земли память о ней навеки, все более и более разверзалась под ее ногами. Уже облеченная в погребальный саван и ниотколь не видя спасения, в последний раз простирала она к небесам покрытая смертоносными язвами свои руки... и Господь не до конца на нее прогневался, обратил на страданицу Свой божественный

www.fozani.ru
взор и послал ей ~~исполнителя~~ в лице Московского князя Димитрия Иоанновича, по прозванию Донского, который, хотя и не на долгое время, облегчил ее раны, но тем не менее первый подал пример своим последователям к свержению тяжкого татарского ига.

Но кто такие были татары, откуда появились на Руси эти неожиданные гости, каким образом покорили Россию под свою власть и как управляли ею?

К
ст. 64
д. 64
быстр
по руск
ство,
аводд
О
зваса
льде
ий о
звора
ута е
ни в. е
ли по
Амрт
втри
Тимуд
сужб
покор
льск
рил
сказ
сам и
оши
красн

Жестокое их обращение с русскими

Когда татары в первый раз появились в России, никто тогда не знал ни их происхождения, ни отечества; язык их, вера и обычаи никому тогда не были известны; странный их вид, образ жизни, одежда, скорость и проворство в боях, легкость в бегании, быстрота и неожиданность в походах приводили каждого русского в удивление и ужас. Впоследствии известно стало, что они кочевали на северных пределах Китая и наводнили потом Азию и большую часть Европы.

Орды их кочевали в Восточной Азии, в земле, называемой Монголией, и управлялись различными владельцами. Некто Езукай, начальник одной монгольской орды, победил другого, по имени Тимуджин. По возвращении из этого похода супруга его родила сына, которого он в воспоминание одержанной им победы назвал Тимуджином. Смерть похитила у него родителя на тринадцатом году его возраста. Тимуджин по возрасту вступил на службу китайского императора, покорил под власть свою монгольские и татарские орды, научил их грабежам и разбоям и сделался сильнейшим монгольским ханом. Стан его учинился общим станом орд. При одном чрезвычайном их собрании некто

Чингисхан

из знатнейших жрецов неожиданно предстал и объявил всенародно, что Бог определил Тимуджина обладателем всего света и что вместо Тимуджина повелел называть его Чингисханом, т.е. величайшим ханом. С этого времени начинается его могущество.

В самое короткое время Чингисхан завоевал Тангут, покорил всю Татарию, овладел большею частью Китая, Индостана, Персии, покорил народы, обитавшие при Каспийском море; оттуда через Мидию устремился против народов капчакских, занимавших обширные долины между Уралом и Днепром, и такими удачными завоеваниями основал исполинскую монархию.

Покорив кыпчакские народы, Чингисхан напал на половцев, как ближайших им соседей, поразил и прогнал их к Днепру вниз, который составлял тогда русские пределы. Будучи не в состоянии противостоят тата-рам, уstraшенные половцы просили помощи у русских князей, представляя им, что ежели татары расхитили нашу землю днесь, придут и возьмут завтра вашу. Русские князья собрались в Киев на княжеский совет и согласились не ожидать татар в Русских пределах, но встретить их во владениях половцев. Они собрали многочисленные ополчения и явились у Днепровских порогов. Услышав о сем соединении русских с половцами, татары послали в русский стан своих посланников, кои, представ пред князьями, говорили им: «Мы есть человеки, за что напрасно будем проливать кровь свою; мы не на вас ополчились, мы у вас ничего не отняли; мы идем на своих данников, половцев; они исстари были наши рабы и пастухи. Ежели вы добры, то имейте с нами мир и отгоните половцев; мы слышали, что вы претерпели от них многие обиды». Русские князья не

только не вняли этому полезному для них предложению, но и еще умертвили послов, сами двинулись вперед и расположились недалеко от Днестра. Здесь встретило их другое от татар посольство, которое укоряло за умерщвление первых послов, говоря: «Если вы послушали половцев, умертвили невинных послов наших, первые идете против нас войною и сами желаете кровопролития, а мы вас ничем не обидим, то оружие решит правое дело». Русские князья отпустили послов и продолжали путь свой далее.

Союзные войска сначала были счастливы. Русские стрелки разбили отряд татар, отогнали множество скота и восемь дней преследовали их до реки Калки. Ободренные сим успехом, они переправились через сию реку, беспрестанно подавались вперед и, узнав, что знатная часть татар к ним приближается, построились в боевой порядок. Оба воинства храбро сразились. Половцы, не могли долго стоять, отделились и будучи окружены татарами побежали в великом беспорядке и смешали русские полки, кои не успели еще вооружиться. Пользуясь сим благоприятным случаем, татары напали с непреодолимою храбростью, произошло ужаснейшее кровопролитие; земля покрылась трупами, русские обратились и татары разбили русских на голову; чему немало способствовало и несогласие русских князей. Татары всех воинов истребили мечом; а князей положили под доски, на которых сидели за столом, торжествуя свою победу. Несчастные, претерпев от мучителей своих многие поругания, под сею тяжестью лишились жизни! В этом сражении русские потеряли храбрейших своих князей и из воинов едва ли десятый человек возвратился в Отечество, а татары открыли себе путь к порабощению России.

В этот раз татары проникли в Россию до Новгород-Северского, истребив все города и села огнем и мечом, не встречая нигде сопротивления. Русская земля опустела, и они везде могли разорять беспрепятственно. Это было первое впадение татар; за ним вскоре последовало другое, еще ужаснейшее.

Кыпчакский хан Батый, внук Чингисхана, известный по своему жестокосердию и бесчеловечию, обладал необозримыми равнинами от Урала до Дона. Сделавшись близким соседом России, он вознамерился покорить ее своему владычеству и с владимирской границы прошел лесами и степями к пределам Рязанским. Он послал к русским князьям послов с гордым требованием, которое они изъяснили так: «Князь Батый, сын и внук ханов, прислал нас сказать всем русским князьям, что Бог богов определил ему царствовать над вселенною, над всеми князьями и королями. Посему повелевает им Батый предстать пред ним и принести ему дань; в противном случае опустошит он землю их огнем и мечом».

Батый

На вопрос Юрия, князя Рязанского: «Какой бы он требовал дани?» — послы отвечали: «Десятую часть изо всего того, что вы имеете на своей земле, считая с князя до последнего раба, а от раба на все роды скота». Князь Рязанский известил о том прочих князей, кои, дав тотчас повеление собирать войско, сами отправились в Рязань и по

долговременном союзе с татарами следующий ответ: «Коли нас не будет, то все ваше будет».

Князья выступили к Воронежу, между тем послали просить помощи к великому князю Владимирскому; но он по ненависти и зависти сам не пошел и не послал войск своих; он хотел один вести с татарами войну. Таким образом, рязанские, муромские и пронские князья, к которым ни один из русских князей не пришел на помощь, принуждены были сразиться и по мужественном сопротивлении уступить многочисленности неприятелей. Татары опустошили Рязанскую землю с великой жестокостью, все разорили, разграбили, сожгли наконец, взяли саму Рязань, умертвили князя, княгиню и прочих князей, а с жителями поступили самым бесчеловечным образом, не разбирая ни звания, ни пола, ни возраста.

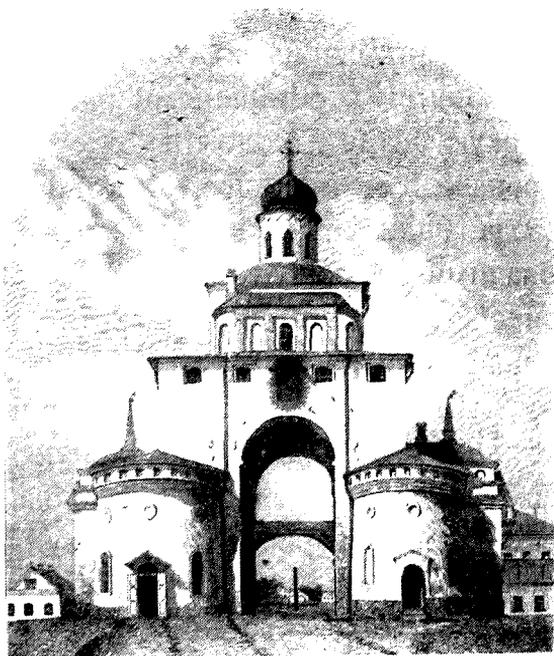
Отсюда татары направили путь свой в Коломну. Теперь великий князь Владимирский раскаялся и послал против них сына своего Всеволода с войсками, кои в соединении с остальными рязанскими силами начали жаркую битву у Коломны. Здесь татары их окружили и произвели величайшее убийство. Князь Рязанский и воевода владимирский пали мертвы, а Всеволод бежал во Владимир. Между тем татары вступили во владения великого князя, взяли и сожгли Москву, а Владимира, меньшего сына великого князя, пленили со множеством жителей; прочие побиты без пощады. Великий князь (Юрий)*, услышав эту печальную весть, оставил во Владимире сыновей своих, Всеволода и Мстислава, с боярами, а сам, предводительствуя войсками, пошел за Волгу и расположился станом на реке Сити. Между тем

---

*Память св. блгв. вел. кн. Георгия (Юрия) Всеволодовича Владимирского 4/17 февраля.

татары приступили к Владимиру. Жители со своими князьями затворились в городе. Татары приступили к Золотым Воротам, ведя с собою князя Владимира, и спросили: «В городе ли князь Юрий?» Вместо ответа владимирцы начали по ним стрелять.

«Не стреляйте!» — говорят им татары, подходя близко к воротам и указывая на юного князя, спрашивают: «Знаете ли вы этого молодого князя вашего?» Всеволод и Мстислав, его братья, и весь народ, подойдя ближе, едва узнали его и все прослезились. Татары требовали сдачи города, обещая жителям даровать жизнь; а сии вознамерились лучше пуститься на крайность, нежели для одного человека предать себя порабощению. Видя, что владимирцы ни на что не соглашаются, татары пред их глазами мучительно умертвили князя Владимира и начали приготовляться к осаде. Вид страшных сих приготовлений, бесчисленное множество диких, неистовых неприятелей и пригоняемых со всех сторон целыми толпами в татарский стан нагих и босых пленников, исполнил всех жителей ужасом и отчаянием. На третий день татары приступили к городу со всех сторон; большие камни наподобие дожда по-

Золотые Ворота во Владимире

сыпались внутрь города, защитники убиты трупам, во многих местах в стенах сделались проломы, ворота были выбиты. Татары со всех сторон нахлынули во внешний город; все предали огню; умертвили князей Всеволода и Мстислава, множество бояр и людей; прочие князья и оберегательное войско спаслись во внутреннем городе. Епископ, великая княгиня со всем семейством, со знатнейшими боярами затворились в храме, приобщились Святых Таин, заперли двери и вошли на хоры. Татары тотчас взяли и внутренний город и, узнав, что князья и великая княгиня в церкви, выбили двери, умертвили всех сопротивлявшихся и с лестью предлагали, чтоб князья и княгиня сдались в их волю; но они не внимали их обману. Тогда татары обложили храм множеством деревьев и зажгли. Все бывшие в храме мученически с молитвою скончались от огня, а великолепная церковь с утварью и сокровищами великого князя превращена в пепел.

Великий князь, получив известие о плачевной участи великой княгини и сыновей своих и о приближении

Гибель русских воинов во главе с вел. кн. Владимирским Юрием на реке Сити в 1238 г. Ростовский епископ Кирилл после долгих поисков находит тело обезглавленного князя.

Рис. худ. В. П. Верещагина

дели Киевом, который и был истреблен варварами, а жители его умерщвлены или отведены в плен. Великолепный храм Богоматери, или, по словам летописцев, храм самому Небу подобный, был обнажен от всего внутреннего украшения; крест, искованный из чистого золота, снят с главы церковной; святые иконы ниспровержены, твердые храмовые по самые окна монастырские и другие здания — все разрушено, истреблено, разметано и сравнено с поверхностью земли.

Подобно свирепому урагану Батый все, что ни встречалось ему на пути, истреблял, сокрушал, превращал в прах и пепел. Хищные звери влачили трупы непогребенных христиан, стоны раненых раздавались в лесах и вертепах, ужас и смерть текли по следам кровожадного хана. Таким образом, опустошив Россию, с несчетною добычею и множеством пленных он возвратился в Капчак. Здесь Батый, вознамерясь совершенно покорить Россию, обнародовал повеление, чтобы каждый князь, желавший сохранить свои владения, лично являлся в Орду для получения от хана утверждения управлять оными. Русские князья повиновались, и некоторые из них, имея спор о своих землях, прибегнули к Батыю. Таким образом, сами доставили Батыю случай доказать верховную власть свою над Россией и ее князьями. Татарские баскаки, или сборщики, приезжали за сбором податей и жестоко поступали с русскими, доведенными до последней крайности. Но в описываемую нами эпоху татары, занятые внутренними войнами, ослабили несколько те ужасные цепи, коими столь долгое время отягощали Россию. В таком состоянии находились татары и русские, когда появился Мамай, гордым замыслом которого Господь противопоставил Димитрия.

Характер и княжение Димитрия Иоанновича Донского

«Закатилось наше красное солнышко!» — говорили русские по смерти Иоанна Иоанновича, коего шестилетнее княжение пролетело для россиян как сладкое сновидение. Святое сновидение ознаменовало его владычество посвящением в Киевские митрополиты Алексия, епископа Владимирского. Сей благочестивый муж прочтением токмо молитв и окроплением святою водою чудесным образом исцелил ханшу Тайдулу от очной ее болезни.

Иоанн оставил по себе от второго супружества двух сыновей, Иоанна и Димитрия. Димитрий был еще девя-

Встреча митрополита Алексия после его возвращения из Орды великокняжеской семьей. Вел. кн. Иоанн Иоаннович, вел. княгиня Александра и юный Димитрий Донской.

Рис. худ. В.П. Верещагина

тилетним отроком, когда зашла его мать, великая княгиня Александра, долго не могла утешиться от потери смиренномудрого своего супруга и удручалась печалью, сколько о малолетстве Димитрия, столько же о сиротствующих подданных своих; но россияне утешились, заметив в юном Димитрии великую надежду к будущему своему благоденствию. Он воспитывался в духовном учении и наказании как отрок, предназначенный к обладанию многочисленного народа.

Димитрий от самого отрочества возлюбил живого Бога, с усердием начал притекать во святые его храмы, всегда слушал и читал Божие Слово со вниманием и умилением, украшал храмы Божии со всяким великолепием, почитал священников и монахов, весьма был щедр к нищим, охотно из своих рук раздавал милостыню, был почтителен к старшим, уклонялся суетных бесед, едких насмешек и вредных игрищ; никогда не употреблял пустых слов и всякими способами уклонялся общества злонравных людей. Природа украсила его всеми телесными и душевными качествами. Крепкое сложение тела, величественный рост, острый и пронизательный взор, приятный и выразительный голос составляли малейшую часть его телесных дарований.

По воле родительницы и по желанию всего московского народа Димитрий еще в нежной юности, будучи в Коломне, вступил в супружество с Евдокией, добродетельной дочерью Димитрия Константиновича, князя Суздальского.

Вступление на престол юного Димитрия ознаменовано было внутренними несогласиями и несчастьями. По праву первородства он один оставался законным наследником великого княжества Московского. Между

тем его тесть, князь Суздальский Димитрий Константинович, известный в летописях наших под именем Завистливого, воспользовавшись его малолетством, вступил на престол. Димитрий Иоаннович настоятельно требовал от него возвращения престола. Тогда обе стороны решились предоставить решение спора приговору татарскому хану. Для сего отправили каждый от себя посланников

*Князь Суздальский Димитрий
Константинович*

к царствовавшему тогда хану Амурату с объяснением своих прав и с прошением о разрешении их спора. Решение вышло в пользу Димитрия Иоанновича. Итак, великий князь на тринадцатом году сделался великим князем русским; однако беспокойный тесть его несколько раз и после того возжигал против Димитрия пламя войны, оканчивавшейся всегда в пользу последнего.

В это время Россию поразило новое несчастье, ужаснее самой войны. Моровая язва, вырвавшись из Нижнего Новгорода, по Рязанскому, Переяславскому, Московскому, Владимирскому, Тверскому, Суздальскому княжествам и по многим другим городам и уездам, истребила бесчисленное множество народа; многие селения и города остались пусты, даже не было столько людей, чтоб в надлежащее время погребать умирающих. Сия смертоносная болезнь начиналась кровотечением; за коим следовал несносный жар и у многих делалась опухоль. Зараженные умирали на первый или другой день

и весьма редко доживали до третьего. Зараза сия свирепствовала почти три года и похитила многих князей русских.

Пропустим в молчании войны великого князя с Михаилом Александровичем Тверским и Ольгердом, великим князем Литовским; не станем упоминать о том, как Димитрий Иоаннович путешествовал в Орду и как разбил татарского полководца Бегича на реке Воже, и приступим к той достопамятной эпохе, когда Димитрий Иоаннович совершенно поразил татар, предводимых Мамаем, при Доне, на Куликовом поле, и получил в истории и памяти русского народа бессмертное именование Донского.

Мамай собирается идти на Россию.

**Он созывает военный совет,
на котором положено истребить
и разорить Россию до конца**

Любимый своими подданными, пользуясь тишиною и расположением к себе князей, Димитрий в два года укрепил свою столицу, обвел ее крепкою каменной стеной и тем обезопасил от всех неприятельских нападений. Этим ясно доказывается благое намерение великого князя Димитрия Иоанновича, клонившееся к приведению всех русских князей под одну свою волю, чтоб быть над ними главою, а сопротивных принудить к тому силой.

Итак, под правлением Димитрия Иоанновича подданные наслаждались возможным благоденствием, тишиною и спокойствием. Удельные князья с отличным уважением взирали на великого князя. Недавно одержанная над ненавистными властителями победа возвышала души всех истинно русских, искони преданных своим государям, как вдруг скорый гонец с отдаленной границы возвестил великому князю, что раздраженный Мамай по примеру бесчеловечного предка своего

*Великий князь Димитрий
Донской*

Батя с бесчисленною воинскою силою устремляется для совершенного истребления русских княжеств. Эта весть как громом поразила всех русских, но не привела в уныние бестрепетной души их великого князя.

Враг великого князя Дмитрия Иоанновича Олег, князь Рязанский, услышав о кочевании Мамаю на реке Воронеж в Рязанских пределах и страшась, чтобы земли его снова не подвергнулись опустошению, принял коварное намерение основать собственную безопасность на совершенном низвержении ненавистного ему противника. Он послал к Мамаю своего посла с высокою честью и со многими дарами и писал к нему с великим уничижением: «Восточному вольному царю царей Мамаю, твой посаженник, Олег, князь Рязанский, здравия и благоденствия желаю. Слышал я, государь, что ты хочешь идти войной на служебника твоего, князя Дмитрия Московского. Светлейший царь! Теперь настало благоприятное к тому время; ты найдешь там много золота и богатства, а князь Дмитрий, человек-христианин, при одном грозном имени твоем убежит в отдаленные места, или в Великий Новгород, или на Двину, и тогда останутся в руках твоих все сокровища московские. Меня же, раба твоего, князя Олега Рязанского, удостой своей милости, ибо мы оба рабы твои, о царь, но я служу тебе со смирением и покорностью, а он против тебя горд и непокорлив. Я улусник твой, претерпеваю от него, князя Дмитрия, многие и великие обиды. Но этого все еще мало, великий царь! Когда о своей обиде угрожал ему твоим царским именем, то он не токмо пренебрег оным, но еще отнял у меня город Коломну. О Царь! Молю тебя и бью челом, накажи его, чтоб он не похищал чужого». При сем Олег

обещал Мамаю прибыть к нему первого сентября на помощь.

В то же время князь Олег уведомил великого князя Литовского Ягайло Ольгердовича письмом следующего содержания: «Радуйся, Ягайло, великий князь Литовский! Давно уже мыслил ты изгнать великого князя Московского и завладеть Москвою. Ныне приспело удобное к тому время. Великий царь Мамай идет на него с великою силою; итак, присоединим наши воинства к Мамаевым. Я отправил уже к хану посла своего с дарами и с честью, а ты пиши к нему, как сам лучше меня знаешь».

Это известие весьма обрадовало великого князя Литовского. Он похвалил и благодарил друга своего, Олега, последовал его совету и отправил к хану Мамаю с дарами и челобитьем своего посланника при следующей грамоте: «Восточному вольному царю Мамаю князь Ягайло Литовский, твой присяжник, много тебя молит и челом бьет. Услышал я, государь, что ты хочешь устращить свой улус и служебника твоего, Дмитрия Московского: князь сей делает великие обиды твоему улуснику, Олегу, да и мне причинил многие досады, и потому оба молим тебя, всесветлый царь! Научи его не делать нам такие неправды! Когда ты сам придешь к нему, тогда увидишь наше смирение, а его гордость; тогда уразумеешь наше терпение, а от Московского князя грубости».

Поступая таким образом, Олег и Ягайло думали, что великий князь Дмитрий, услышав имя Мамаево и их к нему присягу, оставит Москву и убежит в дальние места, в Новгород или на Двину, а они беспрепятственно овладеют Московским и Владимирским престолом. Уже

мечтали они в разгоряченном своем воображении, как они встретят Мамай с богатыми дарами, убедят его возвратиться в свои владения и по его повелению разделят Московское царство на две части, из коих одна присоединится к Вильно, а другая — к Рязани, и что хан утвердит на престолах их и их потомство.

Но мы еще ни слова не сказали об одном из главнейших лиц этой кровавой драмы, разыгранной на полях России с толикою славою для героя нашего повествования. Мы еще ни разу не упомянули, кто был Мамай и что понудило его предпринять поход на Россию, а потому и изложим вкратце некоторые черты характера этого гордого татарского полководца.

Мамай был полководцем молодого хана Мамата; он неограниченно управлял волжскою Ордою и поставленному от него хану оставлял одно только имя. Его надменность и жестокость, его гордое обхождение с князьями Ордынскими, а особливо с ханскими друзьями, привлекли к нему множество завистников и врагов, не пропускавших ни одного случая, чтобы не внушить хану Мамату худых мнений о надменном его полководце. Мамаю все это было известно; он знал, что народ любит хана, а потому старался сперва или удалить, или умертвить верных его служителей и наконец умертвить и его самого. Но злодейской душе его недостаточно было одного этого убийства. Он истребил тайно многих князей и вельможей, коих почитал для себя опасными. Боясь потерять ту беспредельную власть, которую один имел в своих руках, он проливал неповинную кровь всех верных и любящих хана подданных. Таким образом, при помощи своих соумышленников он сам вступил на ханский престол под именем правителя Орды. По истреб-

лении многих врагов своих он старался одних привлечь к себе ласкою, других принудить к повиновению угрозами; но как и тогда, от множества тайных неприятелей не почитал себя на престоле безопасным, то вознамерился беспокоить мысли народа занять каким-нибудь важным военным предприятием. Новое порабощение и опустошение России почел он наилучшим средством к исполнению своих коварных замыслов.

Собрав военный совет из многочисленных вельмож, он произнес речь, в которой напомнил им о нанесенной обиде, поражением их собратий на реке Воже и о посрамлении татарского имени; представил вымышленную гордость и предпринятое великим князем намерение свергнуть с себя иго татарской зависимости и сделаться самодержавным князем русским; рассказал им о знаменитых мужах, на последнем сражении избиенных, коих кровь требует отмщения; наконец польстил им обещанием великой добычи, которую в России приобрести могут.

Тогда сановники вешали ему в утешение: «Великий князь или паче великий хан Орды Волжской! Пусть оскудело твое владение, изнемогла твоя сила; но ты имеешь несметные ханские сокровища; ты обладаешь несчетными богатствами, ты можешь нанять французов, черкесов, ясов и других народов. Присовокупи к ним еще множество своего воинства и отмести за кровь друзей своих, вельмож и князей, отмести за кровь своих любимцев; учини тоже с князем Московским, осмелившимся поднять руку против своего повелителя, как незадолго пред сим учинил над Олегом, князем Рязанским, коего все грады и села выжег, опустошил землю и подданных его отвел в плен!»

Слыша сие согласие из уст своих ласкателей, нечестивый и гордый князь радовался и, мечтая приобрести великие богатства, возгордился в душе своей так, что захотел быть вторым Батыем, пленить землю Русскую и по своему хотению обладать над всеми русскими князьями. Он ласкал своих князей и прельщал великими дарами, чтоб они готовы и усердны были идти с ним для завоевания России, а более для покорения великого князя Димитрия. Обольщенные и одаренные им татары из девяти разных отдаленных между собою орд с семьюдесятью князьями предстали пред Мамаем. Наемные французы, черкесы, ясы и другие народы умножили бесчисленное его множество, с коим Мамай надменно выступил на Россию. Он перешел Волгу со всеми силами и при устье реки Воронеж остановился кочевьями. Здесь объявил он князьям татарским, что для счастливого успеха предстоящей войны необходимо разным собравшимся ордам беспрекословно повиноваться повелениям одного верховного начальника; что он намерен для общей пользы принять титул хана, что и было тотчас исполнено с обыкновенным торжеством.

В это время предстали пред Мамаем Олеговы и Ягайловы посланники. Он принял дары с любовью и послов с честью; выслушав грамоты от обоих князей, и отвечив им так: «Ежели вы хотите улуса моего, земли Русской, то жалую вас, моих улусников и присяжников, столько, сколько желают они; но с тем, чтоб верно держали свою клятву; ваше пособие мне не нужно; но для чести моего величества встретьте меня с силами, где успеете. По причине вашей обиды я воздаю вам честь; жалую вас, моих улусников, моим величеством; избавлю вас от насильства и обиды, утолю скорбь вашу. Если

www.az.lib.ru
вы неліцемерно сохранили союз со мною, то одного величества имени моего устрашится улусник мой, князь Московский, и убежит в дальние и непроходимые места, тогда прославятся имена ваши; достойная честь моего имени возвеличится. Страх величества моего управляет и ограждает мои улусы и не допускает никого обидеть без моего ханского повеления. С такими несчетными силами и храбрыми богатырями я могу пленить и победить не сего улусника моего и служебника, каков князь Московский; для него довольно одного моего страха. Мне надобно победить подобного себе великого, славного и сильного царя, как Александр Македонский победил Дария, царя Перского, и Пора, царя Индийского. Такова победа прилична моему царскому имени и величество мое славится по всем землям. Так скажите князьям своим, а моим улусникам и неліцемерным присяжникам».

Князья Олег и Ягайло по прибытии посланников, которые рассказывали им о всем там бывшем, радовались о суетном приеме и ласковом обращении Мамаю, не ведая, что ему самому судьба готовила тяжкий удар на полях России.

Димитрий созывает князей и воинство.

Прибытие татарских посланников к великому князю

Хитрый и боязливый князь Олег Рязанской отправил послов к великому князю Димитрию Иоанновичу и под видом дружбы уведомил его, что Мамай, князь волжской Орды, соединился с Литовским князем Ягайлом, что он с великими силами кочует на реке Воронеж и намерен против него идти войною. Услышав о сем, князь Димитрий весьма огорчился, но не пришел в уныние. В ту же минуту поспешил он в Соборный храм, пал на колени со слезами пред образом Богоматери, который писан святым евангелистом Лукою, и потом приложился ко гробу чудотворца Петра, митрополита Всероссийского. С горячей верою молил он Спасителя об избавлении от нашествия Мамаея верующий во имя Его народ русский. По совершении молитвы он известил о нашествии татар отца своего, митрополита Киприана, и просил у него совета. Святитель советовал ему, разведав точнее о справедливости этой вести, принять все нужные меры к мужественному отпору, чтоб окаянный Мамай не нашел его без сопротивления. Великий князь Димитрий Иоаннович немедленно собрал свои войска и с сею печальною вестью послал ко многим удельным князьям, боярам, воеводам и прочим высоким начальникам, состоявшим под его властью, прося их соединить с ним свои силы для отвращения грозящей Отечеству опасности. Он послал к прежнему врагу своему князю Михаилу Александровичу Тверскому, который отправил к нему свое вой-

ско и братанича своего деда Ивана Всеволодовича Холмского. Также пригласил к себе двоюродного брата своего Владимира Андреевича, который тотчас с войсками своими прибыл в Москву. Когда великий князь известил его о многочисленном татарском воинстве, угрожавшем истреблением всех княжеств русских и уничтожением святейшей христианской веры, содрогнулось храброе сердце Владимира, и он вещал своему брату: «Возверзи печаль твою на Господа! Лучше нам за свою честь, за Веру и за Отечество положить живот свой, нежели вести жизнь трудную и постыдную. За тебя, любезный брат! И за общее благо Отечества я готов положить живот свой!»

Между тем все более и более подтверждались слухи, что Мамай с великою яростью и несметными силами приближается к пределам Русским.

Великий князь Димитрий Иоаннович с братом своим князем Владимиром объявили отцу своему митрополиту Киприану, что нечестивый Мамай с многочисленными силами неложно идет погубить Россию. Желая узнать причину войны, митрополит спросил великого князя: «В чем ты, сын мой, виновен против Мамаю и в чем несправедлив?» — «Я ни в чем не виновен пред ним», — отвечал князь. — «Я платил ему дани наряду с прочими, исполнял все его требования и в своей совести не нахожу себя виновным». Митрополит утешил его несомненною помощью Всевышнего в правом деле.

В то время когда между великим князем и митрополитом происходили о сем совещания, неожиданно явились к великому князю послы от Мамаю. Они требовали дани, какую прежде давала Россия при ханах Узбеке и Джанибеке его сыне; но великий князь объявил, что он

впредь будет даваться в залог поим с ханом Мамаем договорам и ни на какое возвращение оной не согласится. Послы говорили надменно и дерзко и грозили, что Мамай жестоким образом накажет непокорность великого князя.

Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской.

Из Царского титулярника 1672 г. Москва

Дмитрий
Иоаннович
Донской
М
впервые
Мамай
француз
его дядя
русской
его сос
и тыся
астроно
его отец
Ирина
онда к
помощ
из муж
его му
Ирина
его, а
иногда
его в
его в
его в
его в

www.tezauriliturgic.ro
Димитрий посылает послов к Мамаю.

Благородные ответы русского посланника на гордые речи Мамаю

Митрополит Киприан, пастырь кроткий и миролюбивый, советовал Димитрию Иоанновичу прежде поднятия оружия испытать умереннейшие средства: укротить злобный и враждебный дух Мамаю подарками и отвратить тем кровопролитие и позорный плен русского народа. Он предлагал великому князю дать нечестивому царю Ордынскому четверицею сугубо, чтоб сохранить в земле Русской тишину и спокойствие. Димитрий Иоаннович, следуя совету отца своего, митрополита Киприана, немедленно отправил к Мамаю в звании полномочного своего посланника, мужа избранного, испытанной мудрости и добродетели, Захария Тютчева, или Тушинина, придав ему двух переводчиков, знающих татарский язык, и отпустил с ним множество серебра, золота и других подарков. Достигнув пределов Рязанских, Тютчев узнал, что князья Олег и Ягайло вступили в союз с Мамаем, и тайно послал в Москву уведо-

*Свт. Киприан, митрополит
Московский и всея Руси*

мать о сем неожиданном известии великого князя. Это известие сильно оскорбило великого князя, тем более что князь Рязанский почитался одним из главнейших князей русских и изменил ему в такое опасное время. Но Димитрий утешился, отложил печаль от сердца и вручил себя и Россию Промыслу Всевышнего. Пророческим духом вещал ему прозорливый Киприан, что он поразит и сотрет врагов своих. «Не сетуй, государь, и верь, что правда избавляет от смерти! Не только будь осторожен и деятелен, но и блюди, чтобы враг внезапно не напал на тебя».

Между тем умолкли все слухи и снова на некоторое время воцарилась тишина; но тишина эта была полна какого-то тягостного ожидания. Вдруг снова пронесся слух, что Мамай непременно хочет с бесчисленными силами идти на великого князя.

Захарий Тютчев в качестве полномочного посланника великого князя явился в Орде и чрез ханских чиновников немедленно представлен был к Мамаю. Положив пред ним присланные от великого князя богатые дары, он приветствовал его так: «Государь наш великий князь Димитрий Иоаннович в отечестве своем здравствует; желая же ведать и о твоём государском здравии, прислал меня спросить и подтвердить между обоими государствами мир и согласие, а для дружеской почести прилагает к сему дары». Это простое и смелое приветствие подвигло ко гневу гордое сердце Мамаю, тем более что русский посланник ничего не упоминал о желаемом возвышении дани и о великом князе говорил таким голосом, к которому в Орде не привыкли. В неистовой ярости Мамай скинул с правой ноги башмак и сказал: «Вот тебе дарю от великой славы моей, в знак мо-

его благоволения, от милости за инициацию. Такова наша царская почеть, когда хотим кого пожаловать». Умный Тютчев отдал туфле почтение и благодарил с должною кротостью и благоразумием. Мамай удивился остроте разума, красоте и поступкам княжеского посланника. Он повелел своим воинам принять дары, дотоле им презираемые. «Возьмите, — сказал он им, — и купите себе плети для коней своих; золото же и серебро князя Димитрия все будет в моих руках; разделю земли его между моими рабами, а самого определю пасти верблюжье стадо». Тютчев не мог воздержаться, чтобы против сих оскорбительных слов не возразить с благородною смелостью. «Не можно тебе, — сказал Захарий, — вещать такие речи о великом государе. Господь Бог так и творит, как изволит, а не так, яко же ты хочешь». Чиновники татарские так раздражены были сими мудрыми словами, что в то же мгновение изрубили бы на части Захария, если бы не воспретил им сам Мамай. Ему понравилась благородная решительность русского посланника. Он сказал Тютчеву с благосклонным видом: «Ради красоты твоей и благоразумия дарую тебе жизнь. Если враг мой Димитрий еще молод, и то прощаю ему по молодости. Приму его ко двору моему, чтоб он учился моим обычаям; между тем поставлю над Россией иного князя; а ты, Захарий, обрел пред очами моими милость; я вижу в тебе человека, достойного быть в числе первых моих служителей, и думаю со временем сделать таким же человеком, как Димитрий, которому теперь служишь». Захарий ответствовал: «Хотя я вашему царскому обнадеживанию верю и от предлагаемой мне чести никак не отрицаюсь, однако же, будучи послом, от прежнего своего государя без посрамления чести своей в такую

связь войти не могу. Мне надлежит окончить мое препоручение; вручить посольские грамоты и отдать во всем беззастенчивый отчет; когда же выполню присягу, данную великому князю Димитрию, то могу к тебе возвратиться; а потому и он, хан, может удостовериться, что я и ему буду верен так же, как и первому своему государю». Такими хитрыми словами уловлен был надменный Мамай. Он отпустил его к великому князю с грамотою и вместе с ним четырех знаменитых и им любимых чиновников: постельничего Козимбу, первого секретаря Урая, конюшего Ачишу и ключника с пятьюдесятью отборных татар. Содержание грамоты было самое безумное и надменное. Вот оно от слова до слова: «От восточного царя, от больших Орд, от широких полей, от сильных татар, царь царей Мамай и многим ордам государь, ратую нашему Димитрию Московскому. Рука моя многими царствами обладает, и десница моя на многих царствах облежит. Ведомо тебе есть, что улусами нашими обладаешь, а нашему царству, пришед, не поклоняешься. Итак, ведомо тебе да будет, что рука моя хочет днесь тебя казнить; если ты еще молод, то приди ко мне и поклонися, да помилую тебя и в твое место отпущу тебя царствовать; если же сего не сотворишь, вскоре все грады твои разорю и пожгу огнем, а самого тебя предам лютой казни».

Выехав из Орды, Захарий усерднейше благодарил Бога, что Он по благодати Своей извлек его здоровым из столь пагубного места и что Мамай, невзирая на всю лютость, отпустил его не только безвредна, но еще не размыслив послал с ним четырех своих любимцев. Приближаясь с ханскими посланниками к Оке, он послал к великому князю тайного от себя вестника и, уведомляя

об исполнении своего посольства, просил, чтоб он выс-
лал навстречу некоторое число воинов для обеспечения
его спутников, а им сказал наперед, что скоро прибу-
дет почетная стража для торжественного их принятия и
безопасного препровождения к великому князю. Димитрий,
получив известие, отправил на сретение Тютчева
триста человек, избранных от своего двора, кои встре-
тили его недалеко от берегов Оки. Тютчев, дождавшись
своих, приказал схватить и связать всех татар, кои от
мнимой сей почести соделались гордые и беспечные и
не надеялись ничего худого, а ханскую грамоту, раз-
драв, отдал одному из худших татар с повелением, чтоб
он возвратился в Орду и объявил Мамаю, что Захарий
во время пребывания своего в ней приметил в хане
столько безумия, что легко мог заключить из того о со-
держании грамоты, почел ее недостойною представить
пресветлым очам великого князя Димитрия Иоаннови-
ча; но прочитав сам, посмеялся ее несмыслию, почему
и посылает ее назад раздранную. Впрочем, за удоволь-
ствие поставляет служить хану своим мечом над его го-
ловою. С сими словами, в которых Тютчев насмеялся
над предлагаемой ханом службой, отпустил он татари-
на. Уздав о сем чрезмерно оскорбительном для него
происшествии и увидав раздранную грамоту, Мамай
пришел в неописанное бешенство и в ту же минуту дал
всему войску строжайшее повеление быть готовому к
опустошению России.

Свидание Димитрия с преподобным Сергием. Сергий отпускает двух богатырей, Пересвета и Ослябя

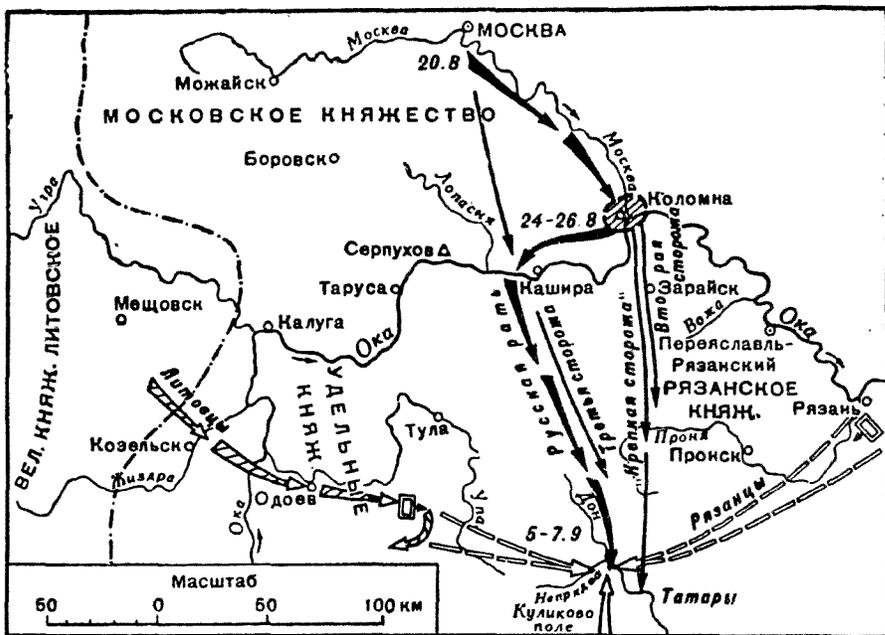
Достигнув Москвы, Тютчев представил великому князю всех связанных татар. Теперь как принятие посла, так и последующий поступок принимали у великого князя всю надежду к отвращению грозящей опасности примирением. Он видел себя принужденным ожидать решения дела от счастья оружия и от помощи Всевышнего, а потому, по некоторому внутреннему предчувствию, был более обрадован, нежели возмущен этою вестью. Тогда собран был военный совет, на котором Димитрий Иоаннович, князь Владимир Андреевич и все прочие князья и воеводы положили приготовить крепкую стражу и выслать ее в поле.

Великий князь вследствие совещания послал сильный воинский отряд под начальством храбрых оруженосцев своих с таким повелением, чтоб они остановились на реках Быстрой или Тихой Сосне со всякою осторожностью, а вместе с тем, приблизившись к Орде, старались о поймании языков для узнания, что действительно предпринять хочет Мамай.

Протекло довольно времени, и снова умолкли все слухи. Посланные на Сосну стражи еще не возвращались. Великий князь с таким же намерением послал еще вторую стражу с повелением возвратиться как можно скорее. На пути она встретила с княжеским оруженосцем Тупиком, ведущим татарского пленника. Сей, будучи представлен великому князю, объявил, что Мамай действительно идет на Русскую землю, что Олег и

Ягайло с ним соединились и что он нападением своим медлит до осени, ожидая прибытия сих князей, чтоб напасть на Димитрия со всюю своею ужасною силою.

Тогда великий князь тотчас послал гонцов с грамотами по всем селениям и городам великого княжества, чтоб всякий приготовился к войне против злых врагов и все прибыли к 31 июля в Коломну; сам же с князьями и войсками, при нем находившимися, приготовился к выступлению.

Поход русской рати к Дону и план вторжения татар в 1380 г.

Но еще прежде выступления своего в поход Димитрий отправился для поклонения Богу и испрошения у Него помощи в столь трудном предприятии в монастырь Живоначальной Троицы для принятия напутственного благословения от преподобного отца Сергия Радонежского, игумена той обители. Он пригласил с собою брата своего Владимира и всех православных князей

русских. В сие время Сергей славился своими добродетелями и святостию жизни; уже от князей и от всех русских заслужил он великое почтение, коего только был достоин. Великий князь воздал смиренно поклонение, во-первых, Господу сил, а потом принял благословение от игумена Сергея и всей обители. Преподобный отец просил его, чтоб он слушал литургию, по окончании которой убеждал вкусить хлеба святой обители. Но великий князь, поспешая возвратиться в Москву, довольно долго отрицался, имея важную тому причину; ибо очень часто приходили известия о приближении Мамаея к Русским пределам. Сергей умолял вкусить хлеба у него в трапезе. «Обед тебе, великий князь, будет на пользу, — отвечает святой отец, который, имея дух предвидения, открывает ему тайну, вещая, что Господь Бог тебе помощник, еще не пришло время тебе носить венец сея победы с вечным сном; прочим же без числа многим твоим сотрудикам готовятся венцы с вечною памятью». Между тем повелел святить воду и, восстав от трапезы, окропил великого князя, всех князей и все христолюбивое воинство, советовал ему почтить дарами и честью злочестивого Мамаея: «Да вознесет тебя Господь, узря твое смирение, а его неуклонную гордость низложить». — «Я все сее учинил, — отвечивал князь, — но враг мой еще более возносится». — «Если так, — вещал преподобный, — то его ожидает конечное погубление, а тебя, великий князь, от Господа и помощь, и милость, и слава». Сергей, делая ему на челе крестообразное знамение, рек: «Иди, Государь! Небоязненно: Господь Бог тебе поможет на враги». И ему одному тихо: «Победиши супостаты своя». Прослезился великий князь и просил себе от него дара.

В это время в обители преподобного Сергия в монашестве были два брата, Александр Пересвет и Андрей Ослябя. Они были до того известны как великие воины, храбрые богатыри и весьма разумные мужи в военном деле. Великий князь просил их в свои полки, ибо думал, что они своим мужеством, как люди, посвятившие себя Богу, могут служить примером его воинству и принесут ему великую пользу. Преподобный повелел им тотчас изготовиться на дело ратное; они же не только не отрекались от сего повеления, но еще приняли его с великою радостью. Преподобный нашёл Христов Крест на их схимах, возложил на главы вместо щитов и брони, крест же крепко заповедал побороть о Христе на враги нечестивые и вручил великому князю.

«Князь возлюбленный, — вещал он ему, — вот тебе мои оруженосцы и послушники, коих ты хочешь иметь при себе в напастях!» А им сказал: «Мир вам, возлюбленная моя о Христе братья! Мужайтесь, яко добрые Христовы воины, пришло время вашей купли». Преподобный отец благословил их крестом, окропил свя-

Благословение Димитрия Донского при Сергием Радонежским на Куликовскую битву

тою водою великого князя, своих иноков, всех князей, бояр и воевод, вещая великому князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник: тот победит и низложит супостаты твоя и прославит тя». Потом отпустил все воинство с миром и благословением.

Между тем гонец прилетал вслед за гонцом с известием, что грозное Мамаево воинство все ближе и ближе подступает к пределам Русским. Страх и надежда попеременно волновали сердца всех, и каждый усерднее воссылал молитвы к Богу, чуя приближение страшной и неминуемой грозы, готовившейся разразиться над Русским царством.

Приближение Мамаю к пределам русским.

Димитрий собирает сильное войско.

Коварный поступок Олега, князя Рязанского

Возвратясь в Москву, Димитрий Иоаннович сделал все нужные распоряжения для безопасности своей столицы. В день, назначенный к выступлению, он пошел в церковь Пресвятой Богородицы, преклонил колени пред иконою Христа Спасителя, потом повергся пред образом Богоматери, писаным св. Евангелистом Лукою, и со слезами, голосом, изъясляющим внутреннее волнение, молил Небесную Заступницу об усмирении и уничтожении гордых и свирепых врагов православного народа русского. Потом, подошед ко гробу блаженного чудотворца Петра, митрополита Киевского, просил его спасти Россию от хищных и кровожадных ее мучителей. После сего великий князь отправился в церковь Архистратига Михаила и там, орошая слезами гробницы православных князей, прародителей своих, с сокрушенным сердцем восклицал: «Православные поборники! Молите о нас Господа, да подаст Он нам победу и одоление над врагами нечестивыми». По окончании молитвы он испросил прощение и благословение у отца своего Киприана, который, благословив его, даровал во знамение Честный Крест, окропил священною водою и послал многих священников с крестами и чудотворными иконами во Фроловские, Никольские и Константинопольские врата благословить и окропить всех воинов, текущих на брань за православное царство Русское.

По выходе из храма великого князя встретили при вратах оного: супруга его, великая княгиня Евдокия,

супруга князя Владимира Андреевича и супруги многих князей, воевод, бояр и множество народа разного звания мужского и женского пола. Они, обливаясь слезами, наполняли воплями воздух и давали один другому как бы последнее целование. Сам великий князь едва мог удержаться от слез и, не желая показаться малодушным, старался сокрыть мучительную скорбь сердца пред очами народа, взиравшего на него с умилением. Прощаясь с супругою и лобзая ее, он рек ей в утешение: «Жено! Не плачь! Аще Бог по нас — кто на вы? С сими словами он еще обнял ее, облобызал в последний раз и, вскочив на коня, поскакал из города. За ним, как быстрые орлы, последовали все прочие князья, бояре и воеводы. Все русское воинство выступило из Москвы в Коломну.

Время было самое прекрасное; впереди сияло солнце во всем блеске, как бы приветствуя с небес стройные ряды воинов. Великий князь разделил войско на три части, из коих одна, многочисленнейшая, находилась под его предводительством; другая — под начальством князя Владимира Андреевича, а третья — князей Белозерских. На другой день все войско уже было в Коломне.

Рано поутру великий князь повелел князьям, боярам и воеводам вывести свои войска на лежащее близ города Девичье поле, учредил каждому полку воеводу и расставил все воинство в строй. Среднюю часть оно, состоявшую из московских храбрых и опытных полков, князей Белозерских, как самых лучших во всем войске, он принял в собственное управление; правым крылом повелел начальствовать брату своему, князю Владимиру Андреевичу, а левое крыло отдал князю Глебу Брянскому; наконец передовое войско препоручил в управ-

ление двум братьям, Дмитрию и Владимиру Всеволодовичам. По таком распоряжении полков великий князь вошел в храм и вознес усердное ко Господу моление о даровании победы над супостатами и о спасении России от конечной гибели.

Великий князь, находясь еще во храме, получил приятную и неожиданную весть, что сорок тысяч человек отборного Новгородского войска под предводительством шести храбрых воевод приближаются к Коломне, чтоб соединенно под его знаменами сразиться с татарами. Красота людей и коней, превосходный порядок, великолепие одежд и оружий, украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями, — все это привело в восхищение великого князя и его воинство. Он принял их весьма дружелюбно и сделал великий пир, на котором кроме военачальников участвовали и другие войска.

Предводительствуя сим многочисленным и благоустроенным воинством, великий князь выступил из Коломны в поход и остановился при Оке на устье речки Лопасни. Здесь соединился с ним знаменитейший его воевода Тимофей Васильевич Тысяцкий, коему вручил он начальство над заднею частью оногo. Великий князь повелел войскам перевозиться чрез Оку и строжайше запретил, чтобы во все время продолжения похода по Рязанской земле никто ни к чему не прикасался, никто ничего ни у кого не отнимал. Великий князь почитал важнейшим делом напасть на хана с неослабленными силами нечаянно и сим поступком склонить, если можно, Рязанского князя вспомоществовать ему.

На другой день по переправе через Оку большой части войск великий князь сам переправился вслед за

ними и повелел сосчитать, коих число оказалось более двухсот тысяч человек.

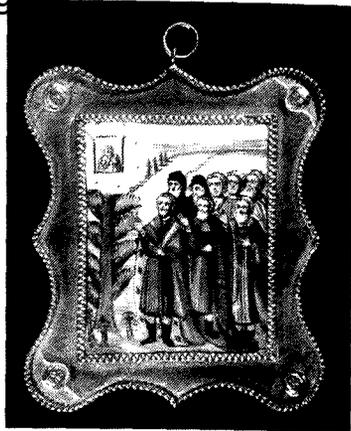
Смутился, затрепетал и ужаснулся Олег, узнав, что великий князь со многими силами устремляется против Мамаю, что перешел уже Оку с сильным и благоустроенным воинством и идет чрез его владения. Если победит великий князь, то он ожидал себе праведного мщения; если же победа склонится на сторону Мамаю, то гибель казалась ему неизбежною: ибо как он мог обмануть его ложным известием о слабости великого князя? В сих крайних обстоятельствах Олег созвал на совет бояр своих, чтобы узнать, как они думают об отважном предприятии князя и что ему надлежит делать? Бояре ответствовали: «Мы уже за пятьдесят дней слышали о сем и нам стыдно было уведомить тебя». Они прибавили еще, что в его отечестве живет некоторый черноризец, по имени Сергей, который имеет от Бога дар пророчества; что он возбудил его вооружиться против Мамаю и дал ему в помощь двух своих иноков. Олег весьма раскаивался о расторжении мира с великим князем и о присоединении ко враждебной ему стороне. «Горе мне, — неоднократно повторял он боярам, — погубил я теперь свою душу; ибо к кому привергнусь? К Мамаю — явлюсь гонителем христианской веры; меня как братоубийцу земля пожрет живого. Молитва прозорливого Сергея доставит ему несомненную победу. Я погиб: Мамай — незаконник! К Ягайлу? — и он таков же!» Наконец хитрый и вероломный князь решился остаться в бездействии, пока не узнает, кто из них будет победителем, тому и быть союзником.

Союзник и друг Олега, великий князь Литовский Ягайло, поспешил на помощь к Мамаю, но остановил-

ся при Одоеве, чтобы князь Олег мог получить точнейшее сведение о продолжении похода. Узнав, что Димитрий с многочисленным войском идет навстречу хану и что Олег из единого страха не может более действовать, не менее того удивился и начал раскаиваться: «Зачем обольстил меня Олег? Для чего я ему поверил? Когда бывало, чтоб Рязань учила Литву?» И следуя примеру князя Рязанского, он не пошел далее и вознамерился ожидать, что учинит великий князь против хана Мамаю. Так, Всевышний Промысл расстроил замыслы двух коварных друзей, готовивших погибель России.

Приближаясь с воинством своим к реке Дону, Димитрий Иоаннович получил известие о новой помощи, как бы с небес ему ниспосланной. Два князя Литовских, сыны Ольгердовы, Андрей Полоцкий и Димитрий Брянский, просвещенные старанием мачехи своей, Анны, княжны русской, православною христианскою верою, а потому ненавидимые и гонимые от отца, а более от младшего брата, Ягайло, как только услышали об ужасном вооружении хана Мамаю на Московского князя Димитрия Иоанновича, то вознамерились поспешить к нему на помощь и защитить единове́рца своего против неверного своего брата и неверных татар. Старший из них послал к младшему брату следующую грамоту: «Тебе известно, любезный брат, что отец наш Ольгерд отвергнул нас от себя единственно за то, что мы изошли из мрака идолопоклонства и приняли истинную христианскую веру; но Бог нас человеколюбово принял, а потому в защищение православной веры мы обязаны подвизаться до смерти; в доказательство же, что мы истинные сыны Церкви, поспешим к великому князю против злочестивого Мамаю!» Брат его ответство-

вал ему таким образом: «Любезный брат! Я усердно готов следовать на помощь единоверному нам князю со своими войсками, кои уже собраны мною против дунайских татар, да и путь нам на Север к Дону открыт удобный. В сем случае можем скрыть намерение наше от отца, чтоб он не воспретил исполнению желания нашего, и там, соединяясь, пойдём к великому князю!»

*Явление иконы свт. Николая
всл. кн. Дмитрию Донскому.
Икона XIX в. ЦМИАР*

Таким образом, оба брата немедленно соединились и поспешили к великому князю, которого и настигли недалеко от Дона. Они привели исправно вооруженное войско, состоявшее из семидесяти тысяч человек, в числе коего находились и псковитяне. Димитрий Иоаннович принял князей со всеми знаками искренней благодарности, почтил их достойными дарами и говорил им: «Сам Господь послал вас к нам на помощь!» Он тотчас послал к преосвященному с радостною вестью, что князья Ольгердовичи со мноюю воинскою силою пришли к нему на помощь. Митрополит при получении сего радостного известия не мог удержаться от слез. Он повелел во всех церквах отправлять Божественные службы и приносить неумолчное моление ко Господу о великом князе и о всем православном воинстве день и ночь.

Перейдя Оку, Димитрий Иоаннович тотчас послал три отряда под Орду: избранника своего, боярина и крепкого воеводу Семена Мелика, для осмотра татарских передовых войск и для поимки языков. Между тем Димитрий продолжал свой путь к Дону, и вот неужи-

данно явились к нему двое из посланных им стражей. Они представили в русский стан одного из сановитых слуг ханского двора, от коего узнали, что Мамай не спешит походом, но дожидается Олега и Ягайла, что он ничего не ведаёт о собравшемся войске князя Московского, не думая, чтоб где-либо осмелились встретить его вооруженною рукою, по уверению князя Рязанского, и уповательно через три дня прибудет к Дону.

Димитрий Иоаннович собрал военный совет, на коем присутствовали князь Владимир Андреевич, все прочие князья, воеводы, вельможи. Предмет совещаний состоял в том, что надобно им предпринять в настоящих обстоятельствах и остаться ли на сей стороне Дона или перейти на другую? «Се приспел, — рек Димитрий, — для каждого из нас день и час!» Одни говорили так, другие иначе. Литовские князья Ольгердовичи, встав с мест своих, предложили в совете, чтобы русскому воинству перейти на ту сторону Дона. «Ежели ты, великий князь, желаешь иметь у себя мужественное и храброе войско, то непременно повели перевозить чрез Дон; тогда между победою и смертию не останется средины и никто ни о чем помышлять не будет, как о победе, зная, что к безопасному отступлению река Дон пресекает путь. Ежели мы при помощи Всевышнего одолеем татар, то слава тебе и всем нам, а если от них по-

Русский воин в XIV в.

беждены будем, ~~то вместе со общими умираю~~ одною смертью. Что же касается до великой и многочисленной Мамаевой силы, то никто из нас не должен страшиться. Бог не в силе, а в правде, и его же хочет милует и дает помощь. Так ободряй и свое воинство и сам мужайся; в воинстве своем имеешь ты много храбрых и неустрашимых витязей». Великий князь согласился во всем с мнением князей Ольгердовичей.

Между тем к великому князю присоединилось еще много нового воинства, особливо пешего из разных земель и городов, состоявшего из жилых людей и купцов. Великий князь снова повелел счесть свое воинство, и сочтено было до четырехсот тысяч человек конных и пеших.

Посланные стражи беспрепятственно возвращались, извещая о движении татар и о скором их приближении. Великий князь тем более укрепился духом и с бодростью вещал ко всем воинам: «Братья! Честная смерть лучше постыдной жизни; лучше бы было нам не идти против сих безбожных, нежели пришедши, возвратиться, ничего не сделав. Нынешний день мы все переправимся за Дон и сразимся за Веру и Отечество наше!» Он велел каждому полку устроить мосты и для предосторожности от нечаянного нападения ополчиться доспехами. Перешед реку, разрушили за собою все мосты. Таким образом, великий князь вступил в область Татарскую и на Куликовом поле, при впадении Непрядвы в Дон, расположился станом в ожидании татарских полчищ. Храбрые сыны русские радовались о наступлении желаемого часа и о приближении неприятелей, ожидая непременно исполнения обетования преподобного игумена Сергия.

Великий князь выезжает на Куликово поле и в глухую полночь предузнает о победе

Вой хищных зверей не умолкал во все предыдущие ночи; великое множество воронов и орлов слетелось вокруг воинства: они ждали для себя роскошного пира, ибо многим суждено было убелить костями своими широкое Куликово поле.

Накануне битвы, в шестом часу дня, появился отряд войск, шедший в стан русский. То был Семен Мелик со своею дружиною, коего великий князь посылал для разведывания. Вслед за ним гнались татары до передовой русской стражи и, увидев многочисленное воинство, поспешно возвратились и возвестили Мамаю, что князья русские с великими силами ополчились и стоят при Доне. При этом известии Мамай, будучи распален зверскою яростью, воскликнул страшным голосом: «Такова-то моя сила? Если сего не превозмогу, то каким образом возвращусь восвояси?» И в то же мгновение повелел вооружиться всему своему нечестивому воинству. По словам Мелика, одна только ночь разделяла татар с русскими, и на следующее утро, по-видимому, они должны были прийти на Непрядву. Великий князь Димитрий Иоаннович вместе с братом своим Владимиром Андреевичем, с Литовскими князьями Ольгердовичами и первым их воеводою Димитрием Михайловичем Боброком расположил все воинство в таком порядке, в каком надлежало ожидать настоящего сражения. Развевавшиеся знамена христианские с изображениями святых; стройное расположение полков в бронях и шле-

мах, блестящих от золота, добры и мужественные лица воинов, изготовившихся на брань против нечестивых врагов православного Русского царства, — все это вместе представляло великолепную картину и невольно приводило в восхищение сердце. Великий князь с дружиною выехал на возвышенное место и, окинув взором всю ту сторону, возвратился в главную ставку воинства, где развевалось черное его знамя, на коем вышито было

*Пред решительной битвой всл. кн. Дмитрий Донской молит
Всевышнего даровать победу.*

Рис. худ. В.П. Верещагина

изображение Христа Искупителя. Сошед с коня, на виду всех он пал на колени пред знаменем и громогласно произнес молитву: «О Владыко Вседержителю Господи! Видь смирение наше и призри милосердным оком на люди Твоя, сотворенные Твоею всеильною десницею и кровью Твоею пречистою от работ диавола искупленные! Внемли, Господи, гласу молитвы моей и обрати с судом грозное лице Твое на нечестивых варваров; даруй нам на них победу молитвами Пречистые Твоя Матери

и всех Святых, от века Тебе благоугодивших». По окончании молитвы великий князь снова сел на коня и в сопровождении всех князей и воевод объехал все ряды воинства, ободряя оное в следующий решительный день вооружиться мужеством и неустрашимостью за Веру и Отечество. Он говорил каждому полку: «Любезные братья! Сынове христиансии! От велика до мала, вышние чины и нижние и вообще все христоименитое воинство! Внемлите. Уже злобный враг стоит близко от нас на реке Непрядве.

Вот приближается мрачная ночь, для успокоения от дневных трудов премудрым Богом определенная; но ныне она должна быть часом бдения нашего и временем недремленной стражи! За нею последует грозный и кровавый день, имеющий разрешить судьбу столь многочисленного народа. С восхождением солнца мы узрим врага нашего, на отнятие жизни нашей всемерно устремляющегося. Итак, призовите на помощь все свое мужество, ополчитесь крепостью и неустрашимостью, и Господь, сильный во бранех, заступит вас и поможет вам. Щедр и милостив Господь, изыскуя каждого в день скорби его и час горестного сетования. Я желаю заутро еще увидеться с вами и по отъезде». Все воины великого князя воссылают к Небесам молитвы и обещаются умереть друг за друга, не уступив ненавистному врагу ни шагу Русской земли.

Тогда всему воинству отдано было повеление: при-быть на показанных местах и в оружии во все продолжение ночи, потому что утром недостало бы времени распорядить его в боевой строй, когда неприятели почти сошлись и на рассвете появятся на реке Непрядве. Дмитрий Иоаннович вошел на несколько минут в свою

палатку, где рассуждал с князьями о расположении, сделанном к предстоящему сражению. После того скрытно от всех, с одним только братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и литовским воеводою Димитрием Волынцем, поехал на Куликово поле. Димитрий Боброк, родом из Волынии, знатный воевода и отличный полководец, известный по благоразумию и великой храбрости, пришел к великому князю и сказал: «Ежели ты благоволишь выйти со мною на поле Куликово, то я во время глубокой ночи покажу тебе приметы, и ты узнаешь прежде, что напоследок случится с нами. Великий князь не отрекся удовлетворить желанию Волынца, побуждаем будучи к тому и собственным любопытством. Вот наступила глубокая ночь. Великий князь сел на коня; выехали вместе с Волынцем на Куликово поле и остановились на равнине посреди обоих многочисленных воинств. Они обратили все свое внимание на левую сторону — на полки татарские — и услышали крик и стук, каковые бывают на торжищах или при строении крепости, и как бы игранье на трубах, а позади их весьма страшный и унылый вой хищных зверей; там кричали хищные птицы и бились крыльями, летали вороны, а по реке Непрядве плавали гуси и лебеди и, плескаясь крыльями, таковым шумом наводили страх и ужас. «Что ты слышишь, великий князь?» — спросил Волынец. — «Слышу, — отвечал он, — гроза великая!» — «Теперь обратись — сказал он, — на полки русские и слушай, что будет?» Он обратился и сказал: «Там великая тишина и глубокое спокойствие». Волынец опять спросил князя: «Что ты слышишь, князь?» — «Ничего! — отвечал тот, — только от множества сливших огней в стане примечаю багряное огненное зарево, как будто

восходящую зарю». — «Благодари Бога, князь, молился Ему, призывай Его святое имя! Восходящая утренняя заря есть доброе знамение: не унывай, князь! Есть у меня еще другая примета, — продолжал Волынец, слез с коня, повергся на землю, приложил к земле правое ухо и, пролежав несколько времени, встал, поникнул вниз главою и потом опять также преклонился к земле. «Что это значит, Димитрий?» — спросил великий князь. Волынец не хотел сказать ему и крепился долгое время. Великий князь еще более просил, умолял его, чтобы он ему поведал все. Прослезился Волынец. Великий князь ужаснулся, увидев его слезы, и сказал: «Любезный Димитрий! Не скрывай от меня ничего; скорбь и болезни терзают мое сердце на части». Волынец старался утешить князя и сказал: «Великий князь! Я тебе расскажу все и притом объявлю две вещи, из коих одна доставит великую радость, а другая — великую печаль; одно полезно, а другое горестно! Припадши ухом к земле, я слышал, что земля весьма горько и страшно плакала в двух станах: одна, как воющая татарским гласом сирая вдова о чадах своих, бияся и проливая слезы наподобие реки; другая — как прекрасная дева, удрученная печалью, плакала и вопияла умиленным голосом свирели. Поверь мне, Государь, эта примета справедлива. Опытю знаю много таких боев и примет на многих сражениях, а потому надеюсь на помощь Живого Бога и помощь святых мучеников Бориса и Глеба, сродников твоих, что ты, государь, одолеешь и победишь татар; но и твоего христианского воинства падет великое множество от острия татарского меча». — «Да будет воля Божия!» — отвечал князь, выслушав Волынца. «Государь! — сказал напоследок Волынец, — не должно о сем

объявлять в твоих полках, чтобы не унижить духа воинов и не привести в уныние сердца их. Следующего дня весьма рано повели, Государь, чтобы все войско было на конях и каждый ратник прежде вооружился бы крестом Господним». Во всю ту ночь они слышали там ужасный вой волков, коих собралось столь великое множество, что казалось, будто они сбежались сюда со всей вселенной.

Наконец наступил решительный день, в который должна была решиться судьба многочисленного воинства, собранного великим князем Димитрием Иоанновичем на берега реки Дона. Густой туман расстилался над Куликовым полем до третьего часу дня (1380 года, 8 сентября). Великий князь воспользовался сим мраком, отпустив двоюродного брата своего князя Владимира с литовским воеводою Димитрием Боброком и нарочитым числом отборных войск вверх по Дону в зеленую дубраву на засаду, с тем чтобы они ни от своих, ни от татар примечены не были. Он придал им многих избранных мужей от своего двора. Потом мало-помалу лучезарное солнце начало показываться во всем своем блеске и озарило два многочисленнейшие воинства, готовые к погублению одно другого. Русские полки уже построены были в боевой порядок, вооружены доспехами и стояли на поле Куликовом при устье Непрядвы на обширной сухой и высокой равнине. И вот послышался трубный глас — вестник начинающейся битвы; но еще сильнее послышался он со стороны русской; однако по случаю бывшего тогда густого тумана оба воинства еще не сближались.

Великий князь, часто переседая с коня на коня, объезжал все полки и вещал воинам со слезами: «Отцы и братья! Ради Господа, ради своего спасения, подвигайтесь за православную веру и за всю братию, за собственных наших отцов и матерей, жен и детей, за все

православное христианство и за Все то, что имеете любезного на земле. Сия есть не смерть, но живот вечный. Отрясите от очей ваших всякое земное чувствование и всякое суетное помышление изгоните из разума вашего. Возложите всю надежду на Господа и мужественно вооружитесь против врагов имени христианского». Со всех сторон храбрые витязи вопияли: «Готовы мы за тебя, великий князь, устремляться орлиным парением и львиною лютостью на орды татарские и за праведное твое дело пожертвовать жизнью!»

Великий князь явился под своим черным знаменем и, сойдя с коня, совлек с себя княжескую одежду; возложив на нее и все княжеское украшение на любимца своего Михаила Андреевича Бренника, посадил его на своего коня, повелел своему знаменоносцу носить пред ним черное знамя и, окружив его великокняжескою телохранительною стражею, а сам сев на своего коня, остановился на своем месте; вынул Честный Крест и, прозвизав со слезами: «На Тебя мое упование, Господи!» — начал приготовляться к бою.

В ту самую минуту явились пред великим князем посланники от преподобного игумена Сергия Радонежского с миром и благословением ему и всему христианскому воинству. Сей святой муж прислал ему благословенный хлеб и писание, в коем увещевал мужественно сразиться за дело Божие, пребывая в несомненном уповании, что Бог предприятие их увенчает счастливым окончанием. Сие послание произвело в сердце великого князя и всего воинства, между коим тотчас разнеслась весть, великую радость и утешение.

Облобызав Сергиевых посланников, великий князь отпустил их, а сам, сев на коня и вооружась железною

палицею, двинулся из полка вперед, в намерении собственной особою, из горячей любви к православной вере и Отечеству, начать бой прежде всех; но русские князья, полководцы и богатыри его до того не допустили. «Как главе многочисленного ополчения, отнюдь не должно тебе, князь, подвергать себя явной опасности; ты должен, Государь, стоя на особенном месте, смотреть на порядок битвы, распорядиться и повелевать и, где потребует нужда, подкреплять новыми силами или собственным примером; ибо и при самом удачном окончании сражения смерть твоя может ввергнуть Россию в ужас и смятение. Что будет с нами, если ты потеряешь драгоценную для России жизнь свою? Тогда мы все погибнем, и злобные татары, истребив наше воинство, разрушат до основания и все наше Отечество. Итак, великий князь, для безопасности и целости государства старайся сохранить жизнь свою, а мы все горим истинным желанием положить за тебя и за Отечество живот свой; тебе же, возлюбленный князь, остается творить по убиенным память и вписать имена их в соборные книги на вечную память родам грядущим». Великий князь, слыша такие речи, не мог удержаться от слез; он вещал им: «Мне должно пить общую с вами чашу: смерть ли, живот ли едино с вами вкушу. Я обязан вступить в брань прежде прочих, прежде других положить свою голову и получить венец бессмертия от правосудного Бога. Приемля от Господа моего вся благая, злых ли не стерплю?»

Поединок Александра Пересвета с татарским богатырем Челубеем.

Битва русских с татарами.

Татары одолевают русских

Наступил жаркий полдень. Солнце палило жгучими лучами своими лица воинов, собравшихся на Куликовом поле. Передовые русские полки, при коих находился сам князь, предводимые князьями Всеволодовичами, начали сближаться при устье Непрядвы. Великий князь с тьмочисленною русскою силою двинулся вперед. Страшно было видеть два великих воинства, идущих на кровопролитие, на скорую смерть; но татарское, гораздо многочисленнейшее, казалось мрачным и унылым; оно двигалось подобно громоносной туче; русское же блистало в солнечных лучах, игравших на доспехах, и представлялось величественною, тихо льющеюся рекою. Нечестивый Мамай, взяв с собою трех из своих ближних больших князей, вошел на высокое место, откуда можно было обнять взором оба воинства и большую часть ратного поля. Между тем, когда главная татарская сила приблизилась и на Куликовом поле распространилась так, что оба ее крыла простирались несравненно далее русских, великий князь возвратился к своему ополчению, и воинство русское остановилось в ожидании нападения.

Когда таким образом стояли оба воинства одно против другого, то с татарской стороны выехал богатырь высокого роста, крепкого сложения и человек великого мужества, по имени Челубей; тщеславясь своею силою, вызывал он русского витязя к единоборству. Никто не

смел противостать ему, ибо исполинский рост его всех приводил в страх. «О, если б сыскался кто-нибудь из наших, который бы поразил его», — каждый говорил друг другу, но никто не являлся.

Прошло несколько времени в тщетном ожидании русского богатыря, который бы сразился с татарским. Тогда из полку Владимира Всеволодовича выступил ученик преподобного Сергия, послушник его инок Александр Пересвет. Он вещал великому князю и всем князьям русским: «Не беспокойтесь о сем нимало. Великий Бог и великая крепость Его. Татарин этот мнит, что на всем земном круге не найдет себе подобного витязя; я выхожу против него бороться во имя Господа Саваофа и восприять венец Царствия Небесного». Пересвет имел великую крепость и силу, величественный рост, соразмерную толщину и отличался от всех стройностью своего тела; до вступления в монастырь он был славным богатырем и обладал искусством в военном деле.

Он облечен был в схиму ангельского образа; на своей одежде ознаменован был Честным Крестом. Пред вступлением в единоборство окропился священной водою, простился с отцом духовным, с великим князем, со всеми князьями русскими, со всем православным воинством и с братом своим Ослябю. Потом, обратившись ко всем, громогласно воскликнул: «Отцы и братья! Простите меня, грешного». Все тронуты были до слез, все молили Бога о ниспослании ему помощи. После сего Пересвет в иноческом одеянии, без шишака и лат, одним токмо тяжелым копьем вооруженный как молния устремился на сопровтивника; оба витязя, ободряемые восклицаниями своих единоплеменников, удавились тяжелыми копьями столь крепко и сильно, что,

казалось, затрепетало место их битвы, и оба богатыря пали мертвые на землю. В то же мгновение пали и кони их. Конец единоборства был началом ко всеобщему сражению. Оба войска начали ближе и ближе подходить друг к другу.

Наступил первый час пополудни. Великий князь громогласно возопил ко всем князьям, воеводам и ко всему воинству: «Братья! Уже настало время каждому из нас испить чашу смерти; се место, где мы за Веру и Отечество или победить или умереть должны». По окончании мужественного подвига Пересвета все воины, немедленно исполняя повеле-

*Прп. Сергей Радонежский благословляет вел. кн. Дмитрия Донского на ратный подвиг.
Миниатюра из «Повести о Куликовской битве».
Лицевой летописный свод. XVI в.*

ние великого князя, с единогласным восклицанием «с нами Бог!» устремились на неприятелей. Итак, обе великие силы сразились и произвели ужасную сечу. Кровь полилась наподобие воды; с обеих сторон падало великое множество мертвых; русская кровь мешалась с татарскою. Как молния блистали острые мечи; тяжелые копыя трещали наподобие грома; золотые шлемы вместе с главами их витязей падали под конские копыта; обе стороны сражались с равною бодростью и отчаянием. В

это время побито не сказанное множество воинов. В поражении друг друга русские и татары отнюдь не ослабевали в своих силах. Пространное поле между Доном и Мечю покрылось таким множеством трупов, что конное воинство не могло действовать; малодушные умерщвляли сами себя; другие, раздавленные под конскими копытами, оканчивали жизнь в нестерпимых мучениях; люди и кони задыхались от тесноты.

*Поединок Пересвета с Челубеем.
Миниатюры из Лицевого летописного свода. XVI в.*

Когда уже великое число князей и бояр было побито, русские воины, с неизменным жаром сражавшиеся, начали изнемогать пред татарами, превышавшими их числом и беспрестанно свежими войсками подкрепляемыми. Великая пешая русская рать пала на землю, как трава острием косы посеченная. Христианское воинство, собрав последние силы, сражалось с неизреченным мужеством и поражаемое татарами падало еще в большем числе.

Татары начинали уже одолевать русское воинство; уже покрывали трупами своими землю многие из князей, бояр и воевод; сам великий князь, находившийся всегда там, где сражались с наибольшим жаром, упал

Куликовская битва. С картины художника Космакова

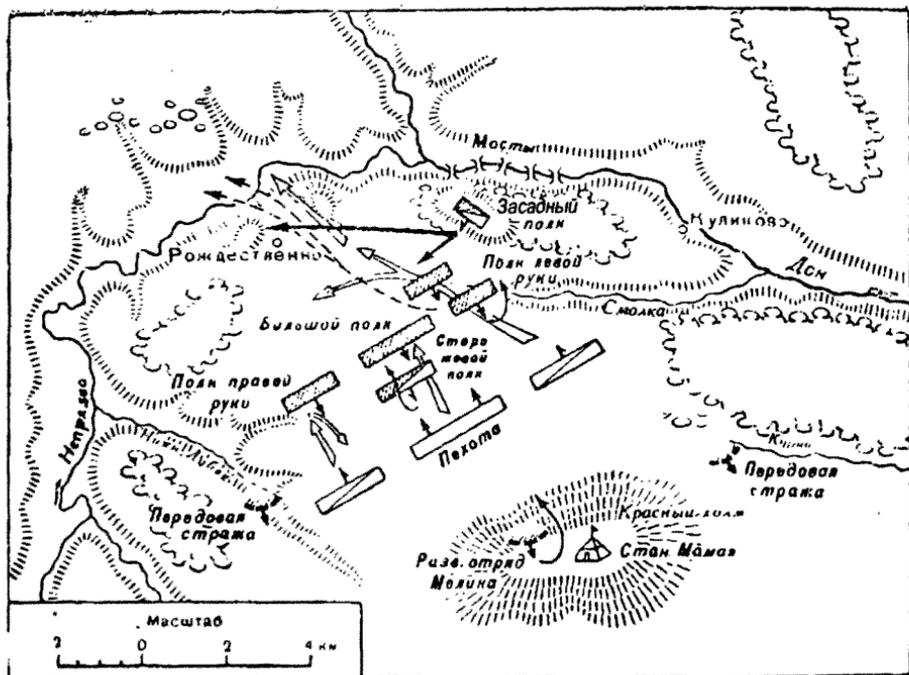
со своего коня, сел на другого, с которого опять был сбит и тяжело ранен в лядвею*. Избитый и ослабевший от трудов, не имея более сил к деятельному ратованию, он уклонился с места побоища в зеленую дубраву и укрылся под недавно ссеченным многоветвистым деревом, легши на сырую землю. Татары начинали одолевать русских, победа преклонялась на их сторону.

В особенности искали они великого князя и много раз устремлялись на черное знамя; но обманутые наружным видом, убили бывшего в княжеских одеждах Михаила Бренника, приняв его за великого князя; защищавшие его князья, бояре и их служители лишились притом жизни, а оставшиеся от сего отборного войска принуждены были отступить. Протек первый, второй, наступил третий час пополудни, и татары повсюду одолевали русских.

Видя избиение христианского воинства и слабое сопротивление, князь Владимир Андреевич, стоявший скрытно в засаде с избраннейшим русским воинством, вещал находившемуся с ним мудрому и храброму воеводе Боброку: «Возлюбленный брат! Что мы стоим здесь? Какой успех приносим ослабевшему христианскому воинству? Кому подадим тогда помощь, когда все полки наши лягут костью». — «Еще не пришло время нам выступить против супостатов. Потерпим еще до благополучнейшего времени!» Они оба воссылали теплые молитвы к Богу. В то время восстал сильный противный ветер, как бы возбраняя их выступлению. Волынец произнес: «Да никто те изыдет на брань: само Небо нам препятствует; в осьмой године будет благодать Божия и помощь христианам, яко поженут враги своя и постиг-

*Внутренние поясничные мышцы около почек.

нать я, дондеже скоматеся и не могут стати». Князь Владимир Андреевич, воздев к Небесам руки, произнес молитву: «Господи Боже отцев наших, не даждь врагу нашему порадоваться до конца над нами!» Он и храброе русское воинство горько плакали, видя друзей своих, побиваемых от разъяренных татар. Воины непрестанно порывались на помощь к своим ослабевшим братьям. Волынец удерживал их и твердил ежеминутно: «Потерпите, потерпите немного, приспеет наше время!» Он заметил, что татары не совсем еще миновали засаду, и некоторые их толпы еще не вступили в сражение. Он надеялся со свежими войсками победить татар, напад на них нечаянно, когда они утомятся, а потому медлил до тех пор, пока татары, гнавшись за русскими, миновали засаду. Вдруг неожиданно повеял способный южный ветер сзади воинства христианского, как бы по-

Куликовская битва 8 сентября 1380 г.

буждая оное к нападению на татар. Тогда Волынец громгласно воскликнул: «Почтеннейший князь, Владимир Андреевич! Се наступило благоприятное время; се настал вожделенный для нас час!» — и обратясь ко всему воинству, возопил: «Отцы и братья! Чада и друзья! Ныне дерзайте и подвизайтесь! Приспело для нас благонадежное время! Сила Духа Святаго помогает нам». Посему гласу все храбрые русские витязи и богатыри двинулись из лесу, с яростью и во имя Господа Бога пустились на неверных врагов, сразились весьма крепко и поразили их бесчисленное множество. От неожиданного и сильного нападения сих полков татары, предавшиеся совершенно радостям победы и без всякого порядка гнавшиеся за бегущими, пришли в крайнее замешательство и страх. «Горе нам! — говорили они, — христиане худшее воинство направили прежде с нами в бой, а самые лучшие князья, воеводы и избраннейшее воинство сокрыто было от нас в засаде, и мы об нем ничего не ведали». Сим ужасом пораженные, татары в крайнем беспорядке обратились в бегство; русские богатыри как соколы за ястребами, пустились вслед погибавших варваров. «Горе тебе, Мамай!» — вопияли преследуемые татары и как снопы падали на землю от русского меча.

Димитрий от изнеможения
едва не лишается жизни.

Погребение мертвых тел. Заключение

Во все время продолжения битвы Мамай стоял на возвышенном месте, откуда мог обзирать все поле сражения. Когда же увидел он, что свежие русские полки с великою храбростью устремляются на татар, когда узрел неминуемую свою погибель, ибо татарам и Мамаю мечталось в исступленном воображении, что из дубравы вышли тьмочисленные полки христианские и что ни один из его воинов не может противостать им, тогда, потеряв всю надежду победы, начал призывать к себе на помощь мнимого пророка своего Магомета, но не получая от него никакого пособия, принужден был с бывшими при нем князьями и самым малым числом войска уносить бедственную жизнь свою в страну, ему самому неизвестную — в Крым. Его примеру последовало оставшееся воинство, которое во время своего бегства или истреблено оружием, или потоплено в реках. Русские воины преследовали их до реки

Бегство хана Мамай с поля Куликова.
«Сказание о Мамаевом побоище».
Миниатюра XVII ГИМ

Мечи, а княжеские полки гнались до самого их стана, который со всеми несчетными сокровищами достался в руки победителей. Но самого Мамаю не могли настигнуть. Итак, Господь Бог даровал совершенную победу великому князю Димитрию Иоанновичу при Доне над татарами, коих трупами были устланы Куликово поле и берега Непрядвы. По сей-то победе, столь много содействовавшей впоследствии времени на свержение татарского ненавистного владычества, великий князь получил незабвенное в истории наименование Донского.

Пред наступлением ночи, за сею славною победою последовавшей, князь Владимир Андреевич, возвратясь на место побоища, остановился на костях и с неопи-санною скорбью в сердце взирал на трупы избитых князей, бояр, воевод и несчетного множества пешего и конного воинства. Кровавые реки протекли на месте побоища. Ситка и Дубик журчали единою человеческою кровью. Он останавливается под черным знаменем и в сем отделении не находит брата своего, великого князя Димитрия Иоанновича; спрашивает, и никто не отвечает ему; посылает искать его, и никто не находит. На глас труб стекается со всех сторон оставшееся русское воинство. Он ездит по полкам и снова вопрошает: «Кто и где видел великого князя?» Литовские князья Ольгердовичи ответствовали: «Мы его видели израненного; ищите его между трупами; нет сомнения, что он жив». Другие говорили: «Мы видели его в третьем часу; он храбро сражался с татарами, своею палицею спасся от них, но не знаем, что потом с ним случилось». Иные сказывали: «Позднее того мы видели его бьющегося с печенегами, которые свирепо на него наступали». Наконец молодой князь Юрьевской Стефан, выступив впе-

ред, сказал: «Я его видел перед самым твоим приездом, почтеннейший князь! Он шел пешком с места побоища, был весьма изранен, но я не мог подать ему помощи, потому что за мною гнались трое татар, от которых едва спас свою жизнь».

Владимир Андреевич по сим словам не лишился надежды обрести брата своего. Он именовал своих воинов друзьями, братьями; просил, умолял, посылал повсюду искать великого князя. Он обещал, что если кто из знатных найдет его живого, то еще более прославится и возвеличится; а если из простых, убогий и бедный обретет его, то будет первый по богатству и честью вознесен. Мгновенно рассеялись все воины по полю битвы искать великого князя. Одни нашли Михаила Андреевича Бренника, убитого и лежащего в доспехах, в шлеме и во всем княжеском украшении, почли его сперва за Дмитрия Иоанновича, но тотчас узнали свою ошибку. Другие принесли тело князя Федора Семеновича Белозерского, коего, узрев, ужаснулись, почтя его за великого князя; ибо он имел с ним чрезвычайное сходство. Наконец

*Великий князь Дмитрий Донской
израненный после сражения.*

два простых воина, Федор Сабуров и Григорий Холопищев, отъехавши несколько от места битвы и уклонившись на правую сторону к дубраве, здесь под недавно срубленным деревом обрели великого князя совсем изнемогшего, покрытого ранами, лежащего в своей крови, едва токмо дышашего и представляющего вид трупа. Сседши с коней, они пали на колена и объявили ему радостную весть, что его воинство победило татар. В ту же минуту как пущенная из лука стрела Холопищев полетел к князю Владимиру Андреевичу и войску с радостным известием об обретении великого князя и, представ пред ним, сказал: «Почтеннейший князь! Великий наш обладатель, Димитрий Иоаннович жив и здравствует!»

Это известие восхитило неизреченною радостью всех князей, полководцев, воевод и воинов. В одно мгновение князь Владимир Андреевич был на коне; он и бывшие при нем князья блеснули как молния по воздуху и вдруг явились пред великим князем, пали к ногам его и поздравили с совершенною победою, при помощи Божией одержанную над татарами. Великий князь, как бы от сна пробужденный, едва мог произнести сии слова: «Кто и о чем вещает мне?» Князь Владимир Андреевич отвечал: «Брат твой Владимир извещает тебя о сей радости». Сии слова влили новую жизнь в ослабленные члены великого князя. Его подняли. Он обнял любезного своего брата и с усердною молитвою и радостными слезами благодарил Всевышнего за одержанную победу. Весь доспех на нем был избит и исколот, но на теле не было ни одной смертельной раны, хотя он прежде всех стал на бой и в начале битвы лицом к лицу находился с татарами. От сильных ударов по шишаку и латам все тело его было так разбито и обессилено, что он не мог

двигаться и держаться на ногах. Несколько отдохнув, великий князь спросил: «Поведай мне, любезный брат! Что сотворилось в полку нашем?» Князь Владимир, ободренный знаменитою победою и видя великого князя здравствующего, в восхищении духа отвечивал: «Благодарствую Всевышнего Творца, государь, враги наши совершенно попораны, а мы и Россия спаслися». Слышася, великий князь произнес в сердечной радости: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он; а по некотором молчании: вечер водворися плач, а заутра радость. Хвалу Тебе приношу, Господу Богу моему, яко не предал нас в порабощение и под меч врагам неприязненным!»

На другой день, укрепив силы свои благодетельным сном, великий князь явился пред своими витязями. Он выехал на место битвы, где, видя великое множество трупов храбрейших князей, воевод и ратников, проливал горестные слезы; но зря татар, четверократно более пред русскими падших, обратился к Волынцу и сказал: «Ты должен быть всегда первейшим вожденачальником». После сего великий князь со всеми князьями, воеводами и боярами проехал по всему месту побоища. Он видел кучи трупов русских и татарских, перемешанных вместе; кровь мусульманская и христианская текла ручьями. Первые из попавшихся его очам были восемь князей Белозерских; они лежали мертвые в том же порядке, как бились живые. Недалеко от них узрел он великого Микулу Васильевича Тысяцкого и с ним пятнадцать трупов князей и многое множество бояр и воевод, бездыханно распростертых. Потом прибывши на другое место, обрел труп любимца своего Михаила Андреевича Бренника; около него множество избие-

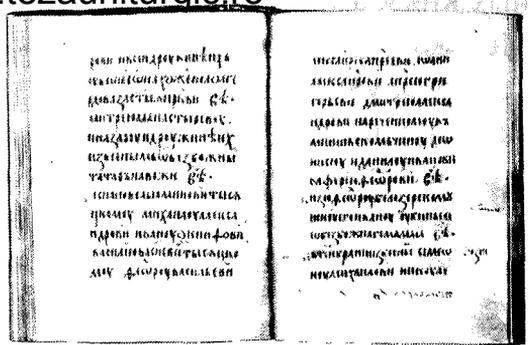
ных князей и бояр и близких храброго витязя Семена Мелика с Тимофеем Волуевичем. Проехав еще несколько далее, увидел Сергиева схимника Пересвета и татарского исполина Челубея: как два поверженных крепких дуба лежали они распростерты на земле.

После сего великий князь, остановясь на своем месте, повелел трубить в трубу для собирания всего воинства. Когда же собралось оно, приветствовал его следующей речью: «Государь мой, отцы, братья и сыны! Князи русские, поместные бояре, вожденачальники сильные и все истинные дети земли Русской! Приношу вам мою признательность за великие ваши подвиги. Когда Всесильный Бог, храня живот мой, утвердит меня опять на великом княжестве Московском, тогда я не забуду выполнить долг истинной моей благодарности, тогда буду чествовать вас моим государским жалованьем. Ныне же выполните последнюю обязанность ближним нашим: предайте земле тела всех православных христиан, на сем месте избитых, дабы алчные звери и хищные птицы не расхитили их себе на пищу.

Великий князь простоял еще восемь дней за Доном, на Куликовом поле. В это время, сколько можно было, разбирали христиан от нечестивых и, сколько успели, погребали по христианскому обычаю, а трупы последних оставлены были на расхищение хищным зверям и птицам.

Великий князь повелел подать списки, сколько в каком отделении пало и каких чинов. Московский боярин Михайла Андреевич, которому поручено было исполнение сего дела, по счислению, данному от каждого военачальника, донес великому князю: «Мы лишились, государь, сорока московских бояр, двенадцати белозер-

ских князей, девяноста новгородских посадников, двадцати коломенских бояр, сорока серпуховских, двадцати пяти переяславских, пятидесяти суздальских, тридцати пяти владимирских, сорока муромских, двадцати трех дмитровских, тридцати ростовских, шестидесяти можайских, тридцати звенигородских, тридцати углицких, пятидесяти галичских, семидесяти ярославских, ста нижегородских, ста четырех тверских и тридцати начальников литовских, а от всего воинства, состоявшего из четырехсот тысяч в остатке токмо сорок тысяч человек (может быть, за исключением раненых и бежавших за Дон).

Синодик с именами погибших князей и воевод при Куликовской битве. XVI в. ГИМ

Великий князь повелел священникам петь надгробные песни над убиенными; их разобрали и погребли столько, сколько могли и успели. Сперва священники воскликнули вечную память всем православным христианам, на Куликовом поле между Доном, Мечею от татар избиенным. Потом великий князь с братом своим и со всем оставшимся воинством громогласно воскликнули им вечную память.

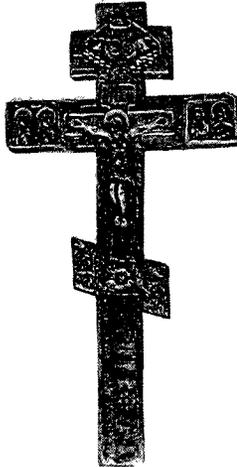
СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Тропарь, глас 3:

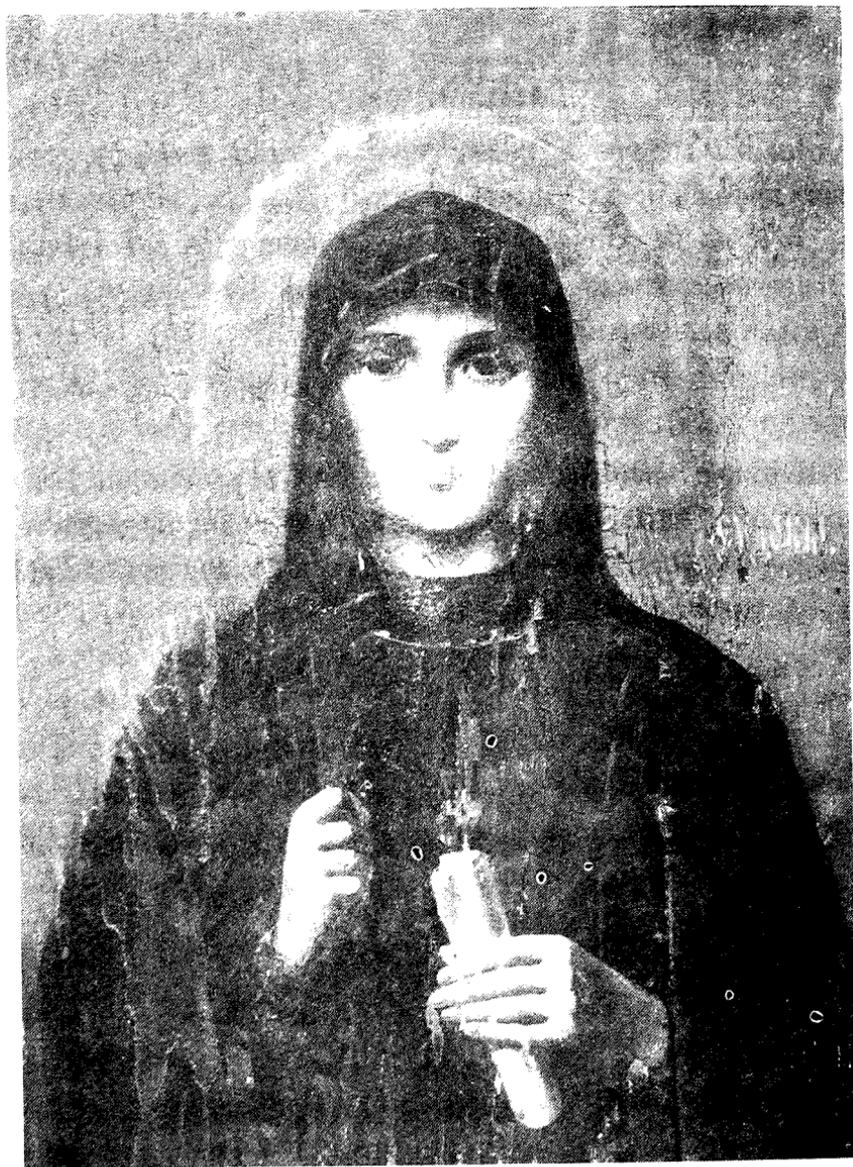
Велика обрете в бедах твоя поворника земля Русская, языки побеждающая. Якоже на Доне Мамаеву низложил еси гордыню, на подвиг сей прияв благословение преподобнаго Сергия, тако, княже Димитрие, Христу Богу молися, даровати нам велию милость.

Кондак, глас 2:

Подвиги твоими, святе Димитрие, страну нашу Бог сохрани, давай тебе силу непобедимую. И ныне, предстателю крепкий, соблюдай молитвами святыми град твой Москву невредим от всех навет вражних.

«Сим Крестом благословил преподобный игумен Сергий князя Димитрия на погана царя Мамаю и река: сим победдай врага. В лето 1380 августа 27 дня».

*Святая благоверная преподобная Евфросиния,
великая княгиня Московская*

Икона XIX в

СВЯТАЯ БЛАГОВЕРНАЯ ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНИЯ, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МОСКОВСКАЯ

Благоверная великая княгиня Московская, преподобная инокиня Евфросиния, в миру Евдокия, сияет в сонме московских чудотворцев всеми светлыми сокровищами русской благородной женской души. В величии земном полная стремлений к Богу, чистая, милосердная, праведная, верная, любящая супруга, заботливая мать, прибежище для всех нуждающихся и страдающих; тихо красуется-сияет княгиня-инокиня среди ужасов, бурь и бедствий той печальной поры.

Дочь Суздальского князя, княжна Евдокия Димитриевна, родилась в 1353 году и тринадцати лет была выдана замуж за восемнадцатилетнего великого князя Московского Димитрия Иоанновича. Молодые супруги согласно угождали Богу.

Воспитатель великого князя Димитрия митрополит Алексей чудотворец был их руководителем. Он и преподобный Сергей Радонежский принимали от купели их детей. Духовниками их были преподобный Савва Сторожевский и племянник преподобного Сергия святой Феодор, игумен Московского Симонова монастыря. И с помощью этих людей терпеливо вынесла юная чета ниспосланные ей жизненные испытания.

Вскоре после их бракосочетания в Москве начались страшная моровая язва, а затем грозный пожар, в тече-

ние двух часов выжигали Москву с предместьями. Не успела Москва обстроиться, как она снова была выжжена литовским князем Ольгердом; уцелел только Кремль. Затем князю Димитрию пришлось ехать по делам в Орду, где часто князя слагали свои головы, но княгиня Евдокия вымолила жизнь своего мужа.

Настал 1380 год. Димитрий замыслил потягаться с Мамаем, взял благословение игумена Сергия...

Звоном заливаются московские колокола. Течет рать за ратью. От разных городов проходят русские люди в воинских доспехах. Идут на борьбу, идут на гибель. Великая княгиня Евдокия прощается с супругом. Тихо развевает ветер над головой князя знамя с ликом Спасовым, и княгиня обнимает своего Димитрия... Слава ли, победа ли, гибель ли со всем войском — и тогда невыразимые бедствия: вдовство, плен, избиение всей семьи?..

И когда Куликово поле содрогалось от страшной битвы, среди московских женщин, неотступно вопивших к небу о помощи, громче всех звучала, дерзновеннее всех подымалась к нему молитва великой княгини Евдокии. И Господь судил ей счастье — на том же самом месте, где она прощалась с мужем, встретить Димитрия-победителя.

Вскоре затем нашествие Тохтамыша, опустошение Москвы огнем и мечом и бегство Евдокии в другие города. А 19 мая 1389 года благоверная княгиня Евдокия закрыла глаза супругу, скончавшемуся от непомерных трудов всего по сороковому году.

В завещании своем великий князь наказывал детям во всем слушаться его княгини.

Первые годы вдовства Евдокия провела в заботах о юном сыне, великом князе Василии. Жизнь ее была стро-

По смерти великого князя Иоанна Иоанновича его наследниками в Москве остались малолетние сыновья и племянник; старшему сыну, Дмитрию, в то время было 8 лет. Малолетство князей сулило Москве большие напасти, ибо все враждебное ей могло подняться на ноги.

В то время в Орде снова началась царская смута. Убиты были один за другим два царя и одолел всех третий, Наурус. Все русские князья отправились к нему бить челом, чтобы разделил им их княжения.

Летописец говорит, что царь смирил их, значит, они пришли в смуте и в неудовольствии друг на друга. Он положил раздел их княжениям и повелел знать каждому свое, не переступать в чужое, и отпустил их с миром и честью. Подобные распоряжения ханов все больше и больше укрепляли в княжеских умах понятия нерушимой собственности относительно их вотчин и принадлежащих им волостей, все больше и больше истребляли притязания родовых счетов в родовом распределении имущества.

Из Москвы вместо князя ходил в Орду посол, боярин Василий Михайлович, просить своему малолетнему князю ярлык на великое княжение. Но хан отказал в ярлыке и потребовал на лицо самого князя, а спустя немного времени ярлык отдал Суздальскому князю, Димитрию Константиновичу, не по отчине и не по де-

---

*И. Забелин. Отпечатано по изданию: «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» / Под общей редакцией П.П. Семенова. Т. VI. Москва и Московская промышленная область. Из очерка IV «Первенство Москвы». СПб, 1898. С. 73—87.

дине, замечает летописец, но, вероятно, по ходатайству новгородцев.

Между тем в Орде не прекращалось кровопролитие; головы царей падали одна за другой. Теперь, спустя лишь год, воцарился Хидырь. Князья вновь отправились было чествовать нового царя, но едва спаслись бегством от наставшего междоусобного кровопролития. Суздальский князь едва отбилсЯ от напавшей на него татарской рати; некоторые князья были ограблены до нага. Девятилетний Московский Димитрий тоже ходил в Орду, но успел возвратиться вовремя, еще до начала татарской резни. Очевидно, московские бояре заботливо и с умением вели свои сношения с Ордой. Царь Хидырь был вскоре убит. Всем царством замутил тогда темник Мамай, и Орда разделилась надвое: одна половина осталась в Сарае (хан Амурат), на той стороне Волги, другая (хан Абдул) — перешла на нагорную сторону.

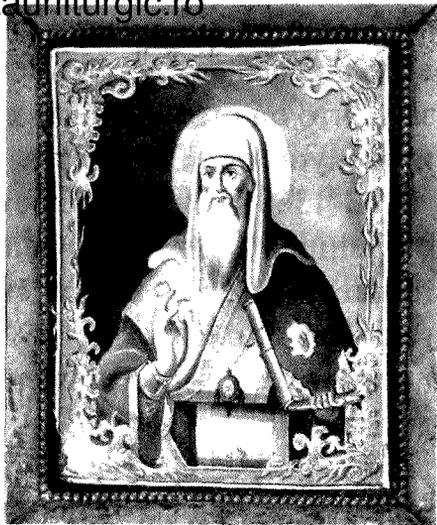
Орда стала разлагаться. Она теряла свою силу, но для Руси она все еще оставалась великой угрозой, от которой теперь спастись было еще затруднительнее. Надо было жить в ладу не с одной, а двумя Ордами, которые из соперничества между собой могли наделать много зла Русской земле. Но крамольникам самые неурядицы в Орде были на руку; ее смуты снова подняли смуты и в Русской земле. Некоторые князья, зависимые от Москвы, поспешили в Орду и выхлопотали себе ярлыки. Выждав некоторое время, Москва отправила и своих послов в Орду Сарайскую, к царю Амурату, просить ярлык на великое княжение. Ярлык был принесен, Суздальский князь был выпровожен из Владимира в свой Суздаль, и Московский одиннадцатилетний Димитрий торжественно был посажен на великое княжение в стольном горо-

де Владимире (1362 год). В следующем году явились послы и от мамаевой Орды и тоже принесли ярлык Московскому князю. Это значило, что и мамаева Орда хотела также владычествовать над Русью и собирать дани и запросы, как подобало великому хану. Трудно да и невозможно было отказываться от непрошенной чести.

Узнал об этом Амурат и сильно разгневался на Москву. Тотчас же он отдал великое княжение опять Димитрию Суздальскому. И Москва опять поднялась ратью на Суздальского князя, а тот по-прежнему без битвы убежал в Суздаль, прокняжив во Владимире всего 12 дней. Но теперь Москва пошла и на Суздаль, опустошила его волости, взяла и свою волю над дядею московских князей, Суздальским Димитрием, который лишился даже и Суздаля и перешел в Нижний к старшему брату Андрею. Тут же за один поход Москва взяла свою волю и над Ростовским князем.

Между тем на Русской земле снова распространился мор, черная смерть, пришедшая опять с низовьев Волги, сначала в Нижний Новгород (1364 год). Не успевали хоронить, в одну могилу клали по 7, по 10 и по 20 человек. Опустела вся земля. Умиряли князья, княгини, бояре, гости. На Белом озере не осталось ни одного человека. Но живые думали о живом. В Нижнем помер старейший из суздальских князей, Андрей. Искатель великого княжения Димитрий поспешил было занять стол старшего брата, но встретил соперника в младшем из братьев, Борисе, который уже держал в руках ярлык из Орды и не пустил охотника до чужих волостей, тем более что Димитрий все еще помышлял, как бы сесть и на великое княжение. Именно в это время ему были принесены новые ярлыки на великокняжеский стол, но те-

перь он думал только о Нижнем и отказался от великого княжения, зная, что с Москвой бороться трудно. Он, напротив, у Москвы же стал просить помощи против меньшего брата. Москва же, добиваясь тишины, предложила братьям помириться и поделить волости полюбовно, а потом, всегда следуя старым уставам и общему мнению народа, заступилась за старшего, за

Свт. Алексий, митрополит Московский и всяя России.

Икона XIX в. ЦМИАР

прежнего своего сопровтивника. Князь Борис не уступал. Тогда митрополит Алексий стал звать его на третейский суд в Москву и послал для этого преподобного Сергия Радонежского. Борис не слушал и церковной власти и сопротивлялся до тех пор, когда, по митрополичьему слову, преподобный Сергий затворил в городе все церкви. Между тем и Димитрий Суздальский приближался уже к городу с полками. Борис покорился и отступил от нижегородского княжения. Ему отдан был Городец.

Во время описанных суздальских неурядиц, дворянчики Верхнего Новгорода, как называет их летопись, — или новгородская молодежь, занимались разбоем и грабежом

вниз по Волге, по-видимому, не без политических целей.

Великому князю Московскому едва исполнилось 15 лет от роду. Явное дело, что от име-

Печать митрополита Алексия

ни князя работали старейшие бояре, во главе которых всегда стоял митрополит Алексей. Можно вообще сказать, что он был славным руководителем боярской думы и опекуном самих князей.

В 1366 году, по общему совету князей и боярской старейшей думы, было решено оградить Москву каменными стенами. Зимой стали возить камень, а весной 1367 года заложили постройку. Вместе с известием об этой постройке стен летописец отмечает, что шестнадцатилетний Московский князь всех русских князей стал приводить под свою волю, а которые не повиновались его воле, на тех начал посягать, и таким образом посягнул на Тверского князя Михаила Александровича. Причина посягательства заключалась, однако, в неудовольствиях и обидах между самими тверскими князьями, опять между дядей и племянником (между Тверью и Кашиным), рассудить которых не было возможности.

После сорокалетней тишины снова начались ожесточенные войны, разорения, междоусобия, нашествия Литвы и татар, то есть снова началась, хотя и в других обстоятельствах, борьба с Тверью или, вернее сказать, борьба с русской княжеской рознью, крамолою и смутой. Тверской князь тотчас озаботился укрепить свою столицу и срубил новые деревянные стены, обмазавши их глиной для безопасности от огня; Московский князь на тверской же стороне от Москвы срубил новый кремль в Переяславле. Оба соперника готовились постоять за себя крепко.

В августе 1370 года Московский князь послал в Тверь послов сказать князю Михаилу, что мир с ним кончился и начинается теперь рать. В ту же ночь, говорит летописец, ударил страшный гром, так что вся земля встре-

петала. Князь Михаил побежал в Литву, а Димитрий со множеством войска напал на Тверь, страшно повоевал, пожег и попленил ее волости, села и некоторые города, и весь скот отогнал в свою землю, возвратился со многим богатством и корыстью, смирил тверичей до конца.

Между тем Михаил из Литвы пробрался в мамаеву Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение. Дабы перехватить соперника, Москва по всем путям поставила свои сторожевые отряды; но Тверской князь из Москвы же был уведомлен о засадах и удалился опять в Литву за помощью к Ольгерду.

По первому зимнему пути Ольгерд явился у Волока. Города не взял, но кругом все повоевал и пожег; а на Николин день, 6 декабря, пришел под самую Москву, стоял 8 дней, но также без успеха. В это время московская рать была в большом сборе и стояла в Перемышле. На защиту Москвы привел и рязанскую рать князь Пронский. Ольгерд побоялся и запросил мира. Москва предложила мир только до Петрова дня. Ольгерд просил вечного мира и в доказательство вечной любви предложил свою дочь за князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Димитрия. Москва согласилась, и мир был утвержден. Однако Ольгерд возвращался с великим опасением, озираясь туда и сюда, боясь погони. Тверской князь, оставленный Литвою, тоже примирился и ушел в Тверь. Зима успокоила врагов. Но весной 1371 года Михаил снова отправился в мамаеву Орду и опять возвратился оттуда с ярлыком на великое княжение в сопровождении ордынского посла. Москва на этот раз укрепилась тем, что по всем городам привела к крестному целованию бояр и черных людей — не даваться князю Михаилу и на княжение не пускать его. Вследствие это-

го Михаил из Твери во Владимир должен был идти подле Волги на Кашин. На Мологе он узнал, что владимирцы не хотят принять его. Оттуда же ордынский посол от-правил татар и Михаилова боярина в Москву, гордо призывая великого князя Димитрия идти к царскому ярлыку во Владимир. Димитрий ответил: «К ярлыку не поеду и в землю на княжение Тверского князя не пущу, а тебе, послу, путь чист». При этом Москва послала звать посла к себе в гости с великою любовью. Татарин сначала не хотел было идти, но, любя честь и дары, направился в Москву, где, конечно, был принят на славу. Он так был доволен, что, возвращаясь в Орду, всю дорогу хвалил и возносил добрый нрав и смирение Московского князя.

И Михаил тоже не унывал и отправил в Орду своего сына Ивана, конечно, с великими жалобами на Москву. Теперь по необходимости должен был идти в Орду и сам великий князь Димитрий. С ним пошли князь Андрей Ростовский, бояре и слуги. А в Москву в то время пришли послы Ольгерда с миром и любовью обручать за князя Владимира Андреевича дочь Ольгердову, Елену. В Орде Московский князь, раздавая много серебра, так убедил и самого Мамаю, и царя, и цариц, и князей, что был пожалован по-прежнему великим княжением, с великой почестью. Кроме того, в Орде же был выкуплен бывший там в долгу, за 10 тысяч рублей, сын Михаила, Иван, и доставлен в Москву как купленный товар.

Пока все это происходило в Орде, Тверской князь пользовался временем и захватил Кострому, Мологу, Углич, Бежецкий Верх, посадив там своих наместников.

Москва не могла остановить тверского завоевателя, потому что в ту же зиму должна была воевать с Олегом Рязанским, защищая от него князя Пронского. Она выгнала Олега из Рязани, но, конечно, ненадолго. С наступлением весны 1373 года Тверской князь тайно подвел на московские волости литовскую рать, захватил Дмитров, а потом Переяславль; с городов взял выкуп, а посады, села, волости пожег и попленил. Тем же путем взял Кашин, а потом и новгородский Торжок, где посадил своих наместников. Видимо, он шел по следам отцов и с помощью Литвы воевал на все стороны, намереваясь мечом и грозой подчинить себе великое княжение и сделаться господином Русской земли.

Торжку на помощь пришли новгородцы, согнали княжеских наместников, а гостей и всех людей тверских избили, товар пограбили. В ожидании соответствующей грозы от Твери город был укреплен и собрана большая рать. Не замедлил Тверской князь со своей ратью. Сначала он миролюбиво просил выдать зачинщиков убийства и грабежа и ввести опять его наместников. Новгородцы с негодованием отвергли его предложения. Началось отчаянное побоище. Михаил победил и ознаменовал свою победу таким ожесточением, что бедному Торжку такого зла и от поганых татар не бывало. Город с жителями был сожжен и разграблен весь без остатка.

Покончив с Торжком, Тверской князь призвал Ольгерда на Москву. Но Москва успела встретить врагов на своем рубеже и отбила первый натиск; потом войска стали друг против друга над каким-то непереходимым оврагом; стояли долго и принуждены были принять мир. Через год князья примирились окончательно. Московский выдал Тверскому выкупленного в Орде его сына, а

Тверской вывел своих наместников из завоеванных им волостей. Настала тишина, все возрадовались, но не надолго.

На следующий же год (1374) Кашинский князь Василий прибежал в Москву, потому что было тесно от Михаила. Но вскоре явились татары из мамаевой Орды и разорили Кашин; все повоевали, пожгли, пограбили, многих иссекли, иных в полон увели. Явное дело, что не кто иной призвал татарскую рать, как тот же князь Михаил. Дружба Твери с мамаевой Ордой пересилила дружбу с Москвой. Московское серебро было забыто. К этому присоединился еще несчастный случай. В Нижнем Новгороде народ восстал на мамаевых послов и избил их всех до одного, со слугами и с целым полком татар. Погибло более 1000 человек.

Вооружение монгольского воина XIV в.

Вражда с татарами разгоралась, и домашние враги пользовались каждым случаем. Около этого времени в Москве умер последний тысяцкий. У него остался сын, вероятно, имевший все права быть на месте отца, но великий князь вознамерился теперь упразднить и самый сан тысяцкого, конечно, с общего совета боярской думы и по благословению митрополита. Оскорбленный сын последнего тысяцкого, Иван, в согласии с гостем-сурожанином, богатым купцом Некоматом, отъехал в Тверь, а из Тве-

ри в Орду хлопотать об Ярлыке на великое княжение Тверскому князю. Ярлык скоро был вынесен из Орды (1375 год), и Михаил немедленно, в этот же день, послал в Москву сказать, что слагает с себя крестное целование, а в Торжок и Углич послал своих наместников. Тогда Московский князь разослал повсюду грамоты и поднялся на Тверь всею силой, в союзе со всеми князьями. Вся Русская земля восстала на Тверского князя, пришли князья: Суздальский, Городецкий, Ростовский, Смоленский, Ярославский, Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильевский, Оболенский, Тарусский и проч. Все единогласно вознегодовали на Тверского князя, рассуждая так: «Сколько раз приводил он литовскую рать и зло творил христианам, а теперь сложился с Мамаем и со всю мамаевою Ордою; а Мамай на всех нас дышит яростью». Не одни князья, но и все порубежные, пограничные соседи Тверской волости из народа, со всех сторон, каждый сам собою все пошли разорять и пленовать Тверскую землю за беспокойства, которые она наводила всем.

Пришли на помощь и новгородцы, желая честь воздать Московскому великому князю и больше всего отомстить свою торжовскую обиду. Войско собралось около Твери и осадило город. Михаил не сдавался, ожидая помощи от Мамаея и от Литвы. О Мамае ничего не было слышно, но Литва пришла и, увидав, что дело не подходящее, ушла восвояси. Тверской князь, видя, что вся Русская земля восстала на него, что помощи нет ниоткуда, запросил мира и отдался Московскому князю на всей его воле, а в чем состояла эта воля, то было написано в договорной грамоте, которая сохранилась и слу-

жит ясным свидетелем, что защита интересов самовластие Москвы не шли дальше защиты обиженных и восстановления нарушенной тверским князем правды.

Несмотря на установленный мир, пособники Михаила все-таки помогли ему: Ольгерд напал на Смоленск и повоевал всю землю Смоленскую, говоря: «Зачем ходили на Тверского князя!» Мамай повоевал Нижегородскую и Северскую стороны, говоря то же самое: «Зачем ходили на Тверь!» Так трудно было всем волостным князьям стоять за Москву или собственно за единство интересов земли. Тем не менее этот семейный идеал, отнюдь не господарский, скрепил теперь около Москвы все отдельные отчины и впервые образовал самостоятельную земскую силу, которая теперь и явилась силой не одной Москвы, а вообще силой Московской области или правильнее общею силой Суздальской Руси. Как только была понята и почувствована эта сила, тотчас стали изменяться и отношения Руси к самим татарам. Не один сильный Московский князь, еще юноша, но и другие князья стали обходиться с Ордой смелее и не упускали случая, если представлялась возможность, встретить татар должным отпором и побоищем. Так по необходимости действовали князья нижегородские и рязанские, ибо их вотчины находились на окраинах Русской земли и первые подвергались опустошениям и грабежам. Нижегородским князьям в важных случаях помогала Москва. Рязанцы жили с Москвой не в больших ладах и чаще ссорились, а потому с этой стороны каждый защищал сам себя. Нельзя не заметить, что рязанские князья жили вообще спустя рукава и не сумели или не могли устроить себе правильную защиту от татарских набегов. Но Москва всегда была на стороне

и, находясь на берегу Оки, всегда успевала встретить татар подальше от своих границ.

Так случилось в 1378 году, когда Мамай, научаемый врагами Москвы, выслал большую рать на Московского князя. Димитрий со своими полками встретил эту рать еще в Рязанской земле на реке Воже (между Зарайском и Рязанью) и одолел ее со славою, сам предводительствуя большим полком. На этом бою попался в плен посланный из Орды от московского беглеца, тысяцкого сына, Ивана Васильевича Вельяминова, с мешком лютых зелий. Для чего были несены эти зелья, неизвестно, но пребывание в Орде этого боярина представлялось действительным зельем для Русской земли. Он служил там как бы агентом для всех врагов Москвы и несомненно разжигал татарское озлобление против Московского князя. Однако спустя год он был пойман и всенародно казнен в Москве на Кучковом поле (Сретенка).

Вожинская битва, откуда татары побежали с позором, без оглядки, привела Мамай в страшную ярость. Он остановил бегущую рать и внезапно напал на Рязанскую область, опустошил ее из конца в конец. А Олег Рязанский, говорит летопись, ничего не ведал, не успел собраться, не приготовился и убежал за Оку, оставив свои города без всякой защиты.

Мамай не мог забыть своего поражения на Воже и готовился отмстить Москве, как не бывало со времен Батыея. Собравши множество войска, даже по найму от бесермен, фряз, черкесов, бургасов и ясов, летом 1380 года стал со своим кочевьем на устье реки Воронежа, то есть в пределах Рязанской области. Рязанский Олег, не надеясь на свою силу и спасая себя, конечно, дол-

жен был искать благоволения у Мамаю или же стать заодно с великим Московским князем и приготовиться к обороне вместе со всей Русью; но он избрал первое и, войдя в союз с Мамаем, призвал к этому союзу и Ольгердова наследника, литовского Ягайла. Для Москвы такой союз в действительности был страшен. С такой тройной силой ей еще не приходилось бороться, и союзники были уверены, что Московский князь убежит с княжения, а они разделят всю Залесскую землю надвое: одна сторона пойдет к Вильно, другая — к Рязани. Но Москва вовремя узнала об этих замыслах, не утрашилась и стала собирать войско. Великий князь с великой любовью и со многим смирением призывал русских князей на общее дело. Однако главным образом собирались только мелкие князья. Из крупных самолично никто не пришел. Самая же крепкая помощь пришла с северными далекими князьями белозерскими, устюжскими, ярославскими.

Наконец, явились в Москве и мамаевы послы, требуя выхода, какой давала Русь при древних царях, Узбеке и Чанибеке. Значит, выход был значительно уменьшен стараниями той же Москвы. Великий князь согласился уплатить выход, какой существовал теперь, по уговору с самим Мамаем. Послы уехали с этим словом; но митрополит присоветовал послать дары: золото и серебро с целью поближе разведать, как и что замышляют враги. Стало известно, что Мамай не спешит нападением, откладывая поход до осени, потому что к тому времени обещал прийти Литовский князь.

Это обстоятельство дало возможность и Москве собрать свои силы. В исходе августа и сам князь двинулся в поход, назначив сбор всей рати на Коломне. Пришли

Куликовская битва.

Миниатура из лицевого «Жития при Сергия Радонежского» Конец XVI в

туда все земские силы Московской Руси, не одни полковые, военные, но и те, которые без смертоносного оружия созидали могущество и преобладание Москвы с первых времен. От Божиего храма пришло благослове-

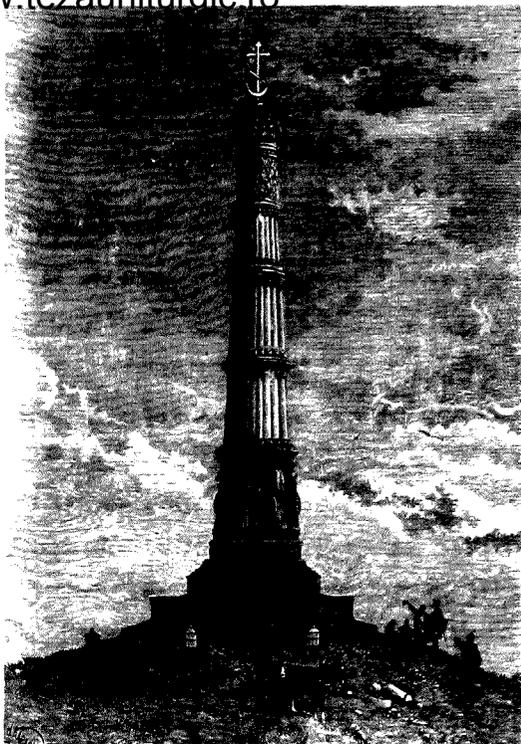
ние и уверение в победе. Из Сергиева монастыря пришли два мужественных воина, Пересвет и Ослябя, умевшие и полки рядить. Из Москвы пришли гости, мужисурожане, 10 человек, избранные князем с особой целью, чтобы были свидетелями страшного события и могли бы рассказать о нем в дальних землях, ибо странствуют гостьбою из страны в страну и знаемы и в Ордах, и во Фрязах. Летописец даже поименовал их всех, стало быть, это были люди знатные и почитаемые в Москве. Собралась несметная рать, быть может, тысяч до 400.

Полки сошлись на устье речки Непрядвы, впадающей в верхний Дон, на Куликовом поле. После крупного и упорного боя русские одолели. Мамай побежал и был к тому же настигнут и побит царем Тохтамышем. Но победа досталась дорогой ценою. После того оскудела вся Русская земля воеводами и слугами, и ратными людьми.

Куликовская победа равнялась поражению, как справедливо замечают историки. Но она была полной и славной победой Москвы собственно не над татарами, которых победить еще не представлялось возможности. На Куликовом поле Москва одержала полную победу над домашним врагом, который был посильнее татар, который больше всего и способствовал этому долговременному порабощению земли татарскою Ордою. Москва победила здесь княжеское разновластие, земскую разрозненность, княжескую и земскую вражду и борьбу из-за личных волостных интересов при полном забвении интересов общеземских. На Куликовом поле народ узнал, что Москва есть истинное средоточие и сердце Русской земли, истинный защитник, оберегатель и устроитель земской тишины и политической независимости. В

этом поведении Москвы и скрывалась истинная причина ее политического повышения над всеми остальными княжествами, из которых сильнейшие, Тверь и Рязань, в глазах же народа выступали: одна — мятежником против общей тишины, другая — изменником русскому делу. На этом Мамаевом побоище явились героями не сильные, высокомерные и честолюбивые князья, а слабые владетели мелких отчин, не помышлявшие о владычестве над землей, но помышлявшие только о службе родной земле. И вот почему после этой достославной битвы московское личное дело борьбы с Мамаем явилось делом общерусским. Все завистники и враги Москвы были посрамлены как враги всей Руси. Житие Димитрия Донского прямо говорит, что после победы «раскольники и мятежники его княжения все погибли, и иные страны подклонились под его руки».

Царь Тохтамыш, разбивши Мамаю, поспешил послать послов к русским князьям с известием, что он сел в Орде на царство, а своего соперника и их врага, Мамаю, сокрушил. Князья тоже поспешили отправить к нему

Памятник на Красном холме в честь Куликовской битвы. Арх. А.П. Брюлов. 1849-1850-е годы.

Рис. художника Н. Каразина

своих послов с дарами и поминками, об этом летописец замечает, что «после переговоров они учинили между собой великую любовь», вероятно, союзный уговор, как вести себя с новым царем. У Татищева находим некоторые подробности: князья поклялись, чтобы друг над другом ничего не искать; татарам друг на друга не клеветать и на Русь их не наводить; а если на кого будет беда от татар, всем стать заедино. Почин этого союза, несомненно, исходил от Москвы.

Царь отпустил княжеских послов с пожалованием и со многою честью. Спустя год (1382) он послал нового посла в Москву и ко всем русским князьям звать их в Орду. Посол со станицей татар в 700 человек дошел до Нижнего Новгорода, поворотил назад, чего-то испугавшись, и не дерзнул идти в Москву. В Орде от того произошла большая смута и ярость. Этого обстоятельства нельзя иначе объяснить, как тем, что татары на пути, именно в Нижнем, узнали что-либо о союзе против них всех князей. Быть может, здесь участвовали своими советами и нижегородские князья. Это тем более вероятно, что с того времени Тохтамыш жил в большой дружбе с Суздальско-Нижегородским князем Дмитрием Константиновичем. Сообразив обстоятельства, Тохтамыш вслед за тем послал своих слуг в город Болгары (Казань) и повелел всех русских гостей ограбить, а суда их с товарами препроводить к себе в Орду. Это он сделал с той целью, чтобы через гостей не пришла на Русь весть о его замыслах. Он собрался напасть именно на Москву только внезапно, чтобы никто о том не ведал. Но Нижегородский князь уже узнал об этом и поспешил послать к хану своих сыновей. Князья едва догнали царя уже в Рязанских пределах, где князь Олег, спа-

сая себя, также явился пособником царя, указал ему броды и окольные пути на Москву мимо рязанских волостей; рассказал, как без труда можно взять Москву и захватить самого великого князя.

Наконец услышал и великий князь, что приближается новая гроза. Эта весть была принесена к нему от некоторых доброхотов, поборников Русской земли, живших для того нарочно в ордынских пределах. Димитрий стал было собирать войско, по-прежнему общей думой со всеми князьями. Но на совете с князьями великий князь «уразумел, — говорит летописец, — во всех князьях и в боярах своих и во всей рати разнество и распрю». Князья не хотели помогать Москве, потому что в самом деле был великий недостаток в войске: оскудела Русская земля после Мамаева побоища. Но главная причина заключалась в том, что многие, и притом наиболее сильные, питали вражду к Москве и, по-видимому, радовались, что может прийти ей конец. Чувствуя свое бессилие, Московский князь был в страхе и трепете и не знал, что начать. Он распустил собранные дружины, а сам удалился в Кострому, а брат его Владимир — к Волоку-Ламскому. Тохтамыш между тем шел быстро, взял уже город Серпухов и приближался к Москве.

В Москве, оставленной князем без защиты, поднялся великий мятеж. Одни хотели бежать; храбрые, по преимуществу черный посад, хотели затвориться в осаду и потому не выпускали никого из города, даже и митрополита, и великую княгиню. Начался разбой и грабеж. Бежавших убивали, грабили их имущества. Не страшились теперь и великих бояр, но на всех огрызались с яростью. После долгой мольбы едва выпустили только митрополита и великую княгиню с их двором, но их пограбили.

Настало буйство немцев, и в это время, вскоре появился некий Литовский князь Остей, внук Ольгерда. Он укрепил людей и город и сел в осаду с оставшимися боярами, с духовенством, с сурожанами, суконниками и прочими купцами и со всеми посадскими. Буйная толпа черни работала отважно и усердно; но Остей не сумел устранить и самого важного обстоятельства. Толпа разбила княжеские и боярские погреба и упивалась господскими медами допьяна. Пьяным было море по колена, и потому, когда под городом появились татары, все встретили их не только храбро, но и с пьяным высокомерием, стали ругаться и поносить татарскую силу, кричали: «Не устрашимся поганых татар, город крепок, стены каменные, ворота железные!» Однако и в пьяном виде народ исполнял свое дело в надлежащем порядке, обливая подступавших татар кипятком, побивая их камнями, стреляя в них из самострелов, а иные, говорит летописец, и самые пушки пущали в дело. Один суконник, именем Адам со Спасских ворот, из самострела убил даже одного ордынского славного князя и привел в великую печаль самого Тохтамыша со всеми его князьями. Три дня стоял царь под городом и взять его не мог. Он взял его лестью: завел переговоры, говорил, что пришел не воевать с горожанами, а наказать только великого князя; что если сдадутся, то всем будет пощада и мир и любовь. В этом уверяли и клялись и нижегородские два князя, сыновья Димитрия Суздальского. Горожане поверили, отворили ворота и были посечены все поголовно или уведены в плен. Весь город был разграблен дочи́ста, иное сожжено, в том числе — множество книг, отовсюду снесенных для сохранения в осаду. В церквях до самых сводов навале-

ны были книги. Все накопленное богатство исчезло в один час. Нельзя было и счесть всех потерь; мало сказать: «Тысячу тысяч», — замечает новгородский летописец.

Разоривши Москву, Тохтамыш распустил рать по всей Московской великокняжеской области. Видимо, он приходил наказать только Московского князя. Тверской князь отправил к нему посла со многими дарами и получил царский ярлык на безопасность. Однако царь все-таки опасался московских князей и, узнав, что Владимир Андреевич стоит у Волока, а Димитрий в Костроме и, вероятно, скопляются полки, поспешил собрать свою рассыпавшуюся рать и повернул в поле, обремененный награбленным бесчисленным богатством и великим множеством пленных. При этом и Рязанский Олег все-таки не уцелел. По навету суздальских князей, Тохтамыш повоевал и Рязанскую землю.

В этом событии нельзя узнать прежнюю дальновидную и предусмотрительную Москву. Ее политический ум совсем исчез именно от наставшей розни и трусости, больше всего в ее боярской среде. Оставался верным себе только народ, у которого не оказывалось, к сожалению, достойного руководителя. После этой страшной гибели похоронено было 24 000 трупов. Так княжеская крамола и рознь мстили Москве за ее стремление скрепить и объединить всю землю.

*Кольчуга, найденная на
Куликовом поле.
XIV в. ГИМ*

Двусмысленное, хотя и не прямо враждебное московскому князю поведение нижегородских и Тверского князей и прямая вражда со стороны Рязанского князя сделали свое дело. Идя в Кострому, Димитрий обошел мимо даже и Ростов, значит, опасался и служебных князей. Митрополит Киприан, спасаясь от татар, перенесся в Тверь, где и основал свое пребывание, что тоже было двусмысленно. И вообще поведение митрополита в это опасное время, быть может, было главной причиной не только княжеской, но и боярской розни.

Но москвичи скоро опомнились. Несчастье над Москвой случилось 26 августа, а в сентябре великий князь ходил уже на Рязанского Олега мстить ему за то, что провел на Москву Тохтамыша. Рязанская земля была повоевана, пожжена и поплена. Хуже ей было, чем и от татарской рати. Не были забыты и счеты с нижегородскими князьями. Но в ту же осень (1382 год) Тверской князь с сыном и с дарами отправился в Орду к Тохтамышу; пошел «не прямыми, но околицею и не путями, опасаясь и таясь Московского князя», пошел искать себе великое княжение. Вот и наиболее справедливое объяснение московского бедствия. Есть известие, что Тверскому князю искать великого княжения посоветовал митрополит Киприан, живший, как мы сказали, в Твери. Московский князь с трудом вызвал его оттуда опять в Москву на время, так как он вскоре отправился в Киев. Летописи рассказывают, что великий князь гневался на него именно за то, что не остался сидеть в Москве в осаде.

Прошла зима. В Орде было опасно, и потому весной 1383 года Московский князь поспешил отправить туда

своего старшего 13-летнего сына Василия вместо себя тягаться о великом княжении с Тверским князем, Михаилом; тягаться поехали, конечно, бояре.

Какой-то князь или царевич ордынский долго смущал обоих истцов, обещая каждому великое княжение и говоря, что склонит к тому хана непременно. Это была обычная уловка ордынских царей выманивать у русских князей сколько возможно больше даров и выходов по поводу их ссор и соперничества. На этот раз Москва не могла пересилить Твери богатством даров, ибо после Мамаева побоища и после Тохтамышева разоренья сильно обеднела. Она пересилила и оправдалась только грамотою хана Чанибека, которую Тохтамыш принял с великим почтением и по ней по-прежнему утвердил на великом княжении Московского князя, разумеется, с твердым обещанием собрать с земли и царев запрос. Он утвердил и Тверского князя, но только на его отчине, давши ему такое объяснение: «Я улусы свои сам знаю. Каждый русский князь на моем улусе, а на своей отчине; коли живет по старине да служит мне правдою, и я его жалую. А что случилась неправда предо мною моего улусника, князя Димитрия Московского, то я его поустранил, и теперь он мне служит правдою, и я его жалую по старине в его отчине. А ты поди в свою отчину, в Тверь, и служи мне правдою, и я тебя жалую».

Москве очень дорого стоили эти короткие рассуждения. Когда Тверской князь возвратился в свою отчину без успеха, то во Владимир пришел из Орды лютый посол, именем Адам, за сбором дани, или царева запроса. Тяжкая и великая дань была по всему княжеству Московскому: собирали с деревни, с двух-трех дворов, по полтине и золотом, то есть всякими драгоценными

вещами давали в Орду. И новгородцы по просьбе великого князя, дали черный бор.

В 1385 году суровейший князь Олег Рязанский напал внезапно на Коломну, пограбил ее и захватил за себя. Была послана против него рать, была крепкая битва, на которой погибло много московских бояр и лучших мужей без успеха. Тогда Московский князь послал к Олегу преподобного Сергия Радонежского и старейших бояр выпросить вечный мир и любовь. Только один святой старец и успел укротить и утишить сурового князя. Заключен был вечный мир и любовь из рода в род.

В сентябре 1386 года Московский князь посетил Троицкий монастырь и его знаменитого основателя. Набожный Димитрий заставил отслужить молебен, накормил братию, роздал милостыню, а потом обратился к Сергию с просьбою, чтобы он принял на себя посольство в Рязань и уговорил бы Олега к вечному миру. Лучшего посредника невозможно было выбрать. Роль миротворца в те времена усобиц была одной из главных заслуг духовенства. И кто же мог сильнее всех подействовать на упрямого рязанца своими увещаниями, как не Сергий, о святости которого уже давно разглашала народная молва? Тою же осенью он отправился в путь, сопровождаемый несколькими старшими боярами великого князя. Прибыв к Переяславлю Рязанскому, игумен остановился возле города в Троицком монастыре, переночевал здесь и на другой день поутру вступил в княжеский дворец. По словам летописи, чудный старец долго беседовал с князем о пользе душевной, о мире и о любви. Его тихие и кроткие речи произвели такое впечатление на суровое сердце Олега, что он умилился душою, забыл свою вражду и заклю-

чил с Димитрием вечный мир и любовь в род и род. С великою честью и славою после того воротился в Москву преподобный Сергей. С того времени Димитрий и Олег, замечает тот же летописец, имели промеж себя великую любовь. К сожалению, договорная грамота не дошла до нас. В следующем, 1387 году союз был еще более скреплен родственными отношениями: сын Олега, Федор, женился на Софье, дочери Донского.

Мир 1386 года, заключивший собой ряд враждебных столкновений Олега с Москвою, бесспорно, может служить самым сильным протестом против всех нареканий, которым знаменитый князь подвергся со стороны северных летописцев и их последователей. Этот мир особенно замечателен тем, что он в действительности оправдал свое название вечного: с того времени не было ни одной войны не только между Олегом и Димитрием, но и между их потомками. Место ожесточенной вражды заступили родственные и дружеские отношения, при помощи которых Рязанское княжество продлило свое политическое существование еще на целое столетие с четвертью.

(Д. Иловайский.)

Как только миновала опасность со стороны Рязани, Москва подняла старые счеты с Великим Новгородом про Кострому и про волжан.

Князь Олег Рязанский.

XIX в. Фрагмент списка с «парсуны». XIV в.

Мы уже видели, в какой степени были дерзки разбои новгородских ушкуйников. Несмотря на то, что Москва успела их смирить в 1367 году, они при всяком удобном случае поднимались снова. Так, во время походов и трудной борьбы с Тверью в 1371 году новгородские разбойники взяли Кострому, а потом и Ярославль. Затем в 1374 году ушкуйники на 90 судах пограбили Вятку; потом, спустившись вниз по Каме, взяли город Болгары, хотели сжечь, но оставили, взявши 300 руб. выкупа. Отсюда разделившись на два отряда, 50 ушкуев пошли вниз Волги к Сараю, а 40 — вверх, и, дойдя до Бухова, пограбили Мордовские земли, все Засурье и Маркваш. Затем, переехав Волгу, пошли на конях к Вятке, грабя по Ветлуге.

В 1375 году, во время похода на Тверь и разорения тверских волостей, новгородские разбойники в 70 ушкуях, 2000 человек, спустились рекою Костромою в Волгу, и после жестокой битвы опять взяли Кострому, разграбили дочиста, людей увели в плен. Отсюда спустились к Нижнему, взяли город и сожгли; дальше повернули в Каму для грабежа, воротились в Болгары (Казань), продали полон и пошли по Волге к Сараю, разбивая и грабя гостей-купцов, своих же христиан. Они спустились в самую Астрахань и отлично поторговали пленными. Астраханский князь принял их очень дружелюбно и, обольстив своим расположением, напоил пьяными, а затем избил всех до единого. Из их черепов в Астрахани была сооружена целая мечеть.

Великий князь в 1386 году собрал большую рать от двадцати девяти городов, составлявших ту промышленную и торговую связь, в которой основным узлом была Москва. Каждый шел не за Москву, но за свое личное

дело, ибо препоны и затруднения в торговом движении по Волге касались каждого города. Услыхав об этом, новгородцы запросили мира. Великий князь не слушал и подвигался дальше к самому Новгороду. Вольные люди уже готовились сесть в осаду и без жалости пожгли свои предместья, где при этом сгорело 24 монастыря. Многие пожгла и пограбила и подступавшая рать. Впрочем, великий князь не готовился на большое кровопролитие и потому, не дойдя 30 верст до города, остановился. Новое посольство от новгородцев успело склонить его на мир, который был заключен по старине, но с выдачей 8000 рублей, да кроме того был отдан великому князю и черный бор. Из 8000 руб. новгородцы 3000 отдали своих, а 5000 доправили на заволочанах (двинянах), потому что и те ходили на Волгу. Поплатившись дороже, чем следовало, Двинская земля оставалась недовольною и самим Новгородом.

Так Москва обуздывала земское своеволие. Известна политическая истина, что главная цель всякого правительства есть безопасность жизни и имущества. Москва, руководимая промышленным земством своей области, преследовала эту цель впереди всех других, повсюду, во всех случаях и за то, конечно, много выигрывала в общем мнении народа. Москва явилась совокупностью многих исторических и народных сил, в числе которых личная воля ее князей занимает самое последнее место. К тому же ее князья по большей части не отличаются никакими особыми личными талантами; все они люди здоровые, а половина из них в политическом смысле положительно люди слабые. Герой Донской битвы с Мамаем на смертном одре сам сознается, что он как родился, так и жил до смерти на руках своих бояр, в их

www.tezaurig.org

воле и в зависимости от них, что бояре были у него не боярами, а князьями в его земле. И действительно, при Донском бояре, можно сказать, на своих плечах вынесли Москву из всех опасностей, какие скопились над ней и по случаю малолетства князя, и по случаю вновь поднявшейся борьбы с Тверью, Литвою и с татарами. Вместо гибели Москва восторжествовала над своими врагами, конечно, по той причине, что смуты и беспорядки всегда еще больше развивают и укрепляют власть, и именно такую власть, на которую народу можно надеяться как на каменную стену. Но все-таки властительство Москвы никогда не выступало из старого великокняжеского обычая и притом всегда было ограничено договорными записями не только с независимыми, но и со служебными князьями. Договор, устав составляли тогда живую основу княжеских политических отношений. Договор с Тверью после полной над нею победы лучше всего определяет характер и объем того самовластия, в котором так обвиняют Москву иные историки.

ДОГОВОРНАЯ ГРАММАТА*

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКАГО ОЛГЕРДА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ДИМИТРИЕМЪ ІОАННОВИЧЕМЪ.

Се язъ князь великий Олгѣрдъ своимъ брапомъ со княземъ съ Кеспущемъ и князь великий Свяшѣславъ Ивановичъ, послали есмы своихъ пословъ къ брапу своему къ великому князю Дмипрею Ивановичю и къ его брапу ко князю къ Володимеру Анедрѣевичю, князя Бориса Костяншиповича, князя Анедрѣя Ивановича, князя Юрья Володимеровича, Дмипрея Обиручева, Меркурья, Пешра, Лукьяна. Тѣ послове учили межы насъ перемирье, *ото Сложына заговънья до Дмитриева дни* межы насъ войны нѣшъ; а межы насъ нашимъ посломъ ѣздити, путь имъ чистъ. А въ томъ докончаны князь Михайло тѣбрьскій, князь Дмитрий брянскій, и тѣ князи, хто будутъ у князя у великого у Олгѣрда въ имени его, и у князя великого Святѣслава такоже, и князю великому Олгѣрду, и князю Кестутю, и князю великому Святѣславу, хто будутъ со княземъ съ великимъ зъ Дмитри-

*Из книги: «Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник Русской славы». М., 1837. Цензор И. Снегирев

емъ Ивановичемъ и съ его братомъ со княземъ съ Володимеромъ Аньдрѣвичемъ въ любви и въ докончаньи, князь великий Олегъ, князь великий Романъ, князь великий Володимеръ проньскій, и иныѣ князи, хшо будущъ въ нашемъ имени, шѣхъ князий князю великому Олгѣрду, и брашу его князю Кесшущю, и князю великому Свяшъславу, и ихъ дѣшемъ шѣхъ князий не во еваши опчины ихъ, ни ихъ людей. А чшо князь Михайло на первомъ перемирьи, на другомъ и на шрешьемъ кошорая будешъ мѣста пограбилъ въ нашей опчинѣ въ великомъ княженьи, а шо князю великому Олгѣрду мнѣ чиспиши, шо князю Михаилу по исправѣ подаваши назадъ по докончанью князя великого Олгѣрда. А гдѣ будешъ князь Михайло вослалъ въ нашу опчину въ великое княженье намѣспники или волосцели, и шыхъ ны сослаши доловъ; а не поѣдушъ, и намъ ихъ имаши а шо ошъ насъ не въ измѣну. А ошъ сего перемирья, опо спожина заговѣнья до дмиприева дни, а имешъ князь Михайло чшо пакоспиши въ нашей опчинѣ въ великомъ княженьи, или грабиши, намъ ся съ нимъ вѣдаши самимъ; а князю великому Олгѣрду, и брашу его князю Кесшущю, и ихъ дѣшемъ за него ся не въспушаши. А чшо пошли въ орду ко царю люди жаловашися на князя на Михаила, а шо есмы въ божьи воли и во царевѣ, какъ повелишъ, шакъ ны дѣяши, а шо ошъ насъ не въ измѣну. А межы насъ посломъ липовѣскимъ и нашимъ и смоленѣскимъ, и шорговцемъ пушъ чисшъ, а посломъ шѣрьскимъ и нашимъ промежы насъ пушъ числшъ; а оприснь пословъ, Тѣричемъ нѣшъ дѣлъ въ нашей опчинѣ, въ великомъ княженьи, а нашимъ нѣшъ дѣлъ во Тѣри. А си грамота аже будешъ князю ве-

ликому Олгѣрду нелюба, инѣ ошошлелѣ; а хотя и ошошлелѣ, а на семѣ перемирьи и докончаньи межы насѣ съ Олгѣрдомѣ войны нѣшѣ до дмишриева дни. А на семѣ перемирьи и докончаньи опѣ великого князя опѣ Олгѣрда и опѣ князя опѣ Кеспушья, и опѣ князя опѣ великого опѣ Свяшѣслава, цѣловали креспѣ князь Борисѣ Костянтиновичѣ, князь Андрѣй Ивановичѣ, князь Юрье Володимеровичѣ, Дмишрей Обѣручевѣ, Меркурей, Пешрѣ, Лукьянѣ; а опѣ великого князя опѣ Дмишрея Ивановича и опѣ князя Володимера Андрѣевича, цѣловали креспѣ Дмишрий Михайловичѣ, Иванѣ Михайловичѣ, Дмишрий Олександровичѣ, Иванѣ Федоровичѣ. А со Ржевы до исправы не сослаши.

(въ копиѣ)

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА И БРАТА ЕГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ТВЕРСКИМЪ МИХАЙЛОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ.

По благословенью ошца нашего Алексія митрополиша всея Руси. На семь, брате молодой князь великий Михаилъ Олександровичъ, целуй ко мнѣ крестъ къ брашу старѣйшему князю великому Димитрию Ивановичю, и къ моему брашу князю Володимеру Андрѣевичу, и къ нашей вошчинѣ къ Великому Новугороду, и за свои дѣши и за свои брашаничи. Имѣши ти мене собѣ брашомъ старѣйшимъ, а князя Володимера браша моего брашомъ; а добра ти намъ хошѣши во всемъ вездѣ безъ хитросши; а што ти слыша ошо крестьянина или ошъ поганина о нашемъ добрѣ или о лисѣ, а шо ти намъ повѣдаши въ правду, по целованью, безъ хитросши. А князи велиции крестьяньстии и ярославьстии съ нами одинъ человекъ, а ихъ ти не обидещи: а имещь ихъ обидещи, намъ дозря ихъ правды, боронихися съ нима ошъ шобе съ одного; а имущь шобе обидѣти, намъ дозря швое правды, боронихися съ шобою ошъ нихъ съ одного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брашу князю Володимеру Ондрѣевичю, *встѣсти ти съ нами самому на конь безъ хитрости; а по-*

шлемъ воеводъ, и тобъ и своихъ воеводъ послати.

А вопчины ши нашия Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого блюспи, а не обидъши; а вопчины ши нашия Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого подъ нами не искаши и до живоша, и швоимъ дъшемъ и швоимъ брашаничемъ. А людий ши нашихъ московскихъ и всего великого княженья и Новагорода Великого и новшоръжьскихъ блюспи, а не обидеши, какъ и своихъ. А закладней ши въ нашей швочинѣ въ великомъ княженьи не держати, ни грамошъ не даваши. А *имуть насъ сваживати Татарове, и имуть давати тобъ нашу вотчину великое княженье, и тобъ ся не имати ни до живота:* а имушъ даваши намъ швою вопчину Тферь, и намъ ся шакоже не имати и до живоша. А въ Кашинь ши ся не въспуаши, и что попягло хъ Кашину, въдаешъ шо вопчичь князь Василей; ни выходомъ не надобъ шобъ ко Тфери Кашину шянуши, а его ши не обидъши: а имешъ его обидъши, мнѣ его ошъ шобе боровиши. А что еси изымалъ бояръ или слугъ и людей кашиньскихъ, да подавалъ на поруку, съ шѣхъ ши порука свесиши, а ихъ ошпустиши; а кому чего на нихъ искаши, ино шому судъ. А жиши намъ, братае, по сей грамошъ: *съ Татары оже будетъ намъ миръ, по думъ; а будетъ дати намъ выходъ, по думъ же; а будетъ не дати, по думъ же.* А *пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобъ съ одного всъмъ противу ихъ: или мы пойдемъ на нихъ, и тобъ съ нами съ одного пойти на нихъ.* А къ Ольерду ши и къ его брашнь, и къ его дъшемъ и къ его брашаничемъ целованье сложиши. А пойдушъ на насъ Липва,

или на смоленскыи князи великого, или на кого на нашу братью на князей, намъ ся ихъ боронити: а побѣ съ нами всимъ съ одного: или пойдушъ на шобе, и намъ шакоже по побѣ помогаши, и боронитися всимъ съ одного. А въ Рокишну ши ся не въступати, что попятло ко княженью къ великому. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будешъ на комъ не взято на нящѣхъ или на ихъ поручницѣхъ княженья великого, или нящци не попуцаны, или порука не сведена; а что ся будешъ не управило по шому целованью, что же будешъ взято опосле того на нящѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все ошѣдаши по шому целованью, а съ поручниковъ порука свести, а нящци попуцати. А что еси буда съ нами въ целованьи, или сложа целованье, а кого будешъ бояръ нашихъ и слугъ и людей московскихъ и княженья великого, или что еси пограбилъ, или что у людей поимано, шы или швои бояръ или людей пограбили и павозки, бояръ ши и людей и слугъ попуцати: а что грабежъ, или что съ людей поимано, и изъ людей и изъ павозковъ шоваръ поиманъ, шо ши все ошѣдаши и швоимъ бояромъ по исправъ; а не будешъ исправы, ини возмушъ по целованью, а ошѣдаши ши все по семенъ дни за недѣлю. А хто будешъ со мною не былъ на рати, а у кого будешъ что взято, а приѣдушъ къ побѣ, а шымъ ши шакоже ошѣдаши по исправъ. А какъ есми спалъ подъ городомъ подъ Тѣрью до семени дни за мѣсяць, что будешъ у мене взялъ войной въ шощъ мѣсяць, шому всему межи насъ погребъ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у шобе помали и повоевали, а шому всему межи насъ погребъ. А съ Новымъ ши городомъ и съ Торжкомъ жиши въ спа-

ринъ и въ миру; а рубежъ ни держати съ Великимъ Новымъ городомъ и съ Торжькомъ и зъ пригороды земли и воды по старинѣ, какъ шо было при нашемъ дѣдѣ при великомъ князи при Иванѣ, и при нашемъ дяди при великомъ князи при Семени, и при моемъ опци при великомъ князи при Иванѣ. А закладней ши въ Новѣгородѣ въ Великомъ и въ Торжьку и въ пригородахъ не держати, ни грамотъ не давати. А хто иметь бояръ или слугъ Новгорода Великого и Торжку и исъ пригородей служиши шобѣ, а что ихъ села или земли и воды, шо вѣдаешъ Великий Новгородъ, а ши бояромъ и слугамъ не надобѣ: или попомъ кто приѣдешъ къ шобѣ служиши изъ Новгорода Великого и исъ Торжку и исъ пригородей, а шымъ шакоже не надобѣ села ихъ и земли и воды, шо вѣдаешъ Новгородъ Великий. А что еси поималъ въ Торжку церковное, колоколы, книги, кузнъ что будешъ у шобе или у швоихъ бояръ или въ швоей волчинѣ, шо ши все подавати по целованью: а что еси поималъ въ Торжку войною или грабежемъ, или что съ людей еси поималъ и по волостемъ опосле нашего целованья свяшого Апостола Петра, шо ши даши и швоимъ бояромъ по исправѣ; а не будешъ исправы, инѣ возмушъ по целованью. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будешъ на комъ не взято на няшцѣхъ или на поручницѣхъ, или няшцы не попушаны, или порука свести съ Новгородцевъ и съ Новоторжанъ и съ пригородей; а что ся будешъ не управило по тому целованью, а что будешъ взято на няшцѣхъ опосле того и на поручницѣхъ или порука не сведена, ино взятое опдаши по тому целованью, а съ поручниковъ порука свести, а няшцы ши попушати, ко-

порыи у собе и у швоей вошчинѣ. А кпо боятъ и слугъ, или у людей въ швоей вошчинѣ. А какъ еси взялъ Торжекъ, а кпо ти ся будешъ продалъ пословицею Новопоржанъ одернъ, или будешъ серебро на комъ далъ пословицею, шѣхъ ши отпуспити по целованью, а грамоты дерноватыи подрапи. А чпо еси привелъ Ноугородцевъ и Новопоржцевъ къ целованью, а по целованье доловъ. А имущъ чего искаши Тѣричи на Ноугородци и на Новопоржци, судъ ему въ Новѣгородѣ въ Великомъ, или въ Торжку; а имущъ чего искаши Ноугородцы на Тѣричахъ, судъ имъ во Тѣри: а судишь съ обѣ половины по целованью, а грамоты суженыхъ не посужати. А гостемъ и торговцемъ Новагорода Великого и Торжку и съ пригородей дали ти пушь чистъ безъ рубежа сквозъ Тѣрь и тѣрьскийи волости; а мышовъ ши новыхъ и пошлинъ не замышляти, а мыша ши имати и пошлины по старинѣ у Новгородцевъ и у Новопоржцевъ. А буда съ Новымъ городомъ въ миру, за холопа, за поручника, за робу, за шапя, за розбойника, за должника не стояши съ обѣ половины. А кпо бояръ и слугъ отѣхалъ отъ насъ къ шобѣ, или отъ шобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вошчинѣ, въ великомъ княженъи, или въ швоей вошчинѣ во Тѣри, въ шы села намъ и шобѣ не въспупапися: а чпо Ивановы села Васильевича и Нѣкомаповы, а въ шы села шобѣ ся не въспупаши, а имъ не надобѣ, шѣ села мнѣ; а бояромъ и слугамъ волнымъ воля. А кпо будешъ служа намъ княземъ, а вшоль въ каково дѣло, а шого поискавъ своимъ княземъ, а шого своимъ судьямъ опчимъ не судиши. А кпо служишь намъ или шобѣ, а живешъ въ нашей вошчинѣ въ великомъ княженъи, или въ

швоей вопчияѣ во Тѣри, и на шьихъ намъ взяши
 дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хипро-
 сипи; а на полныхъ холопехъ не взяши, на которыхъ
 ключники целуюшъ. А судомъ и данью помянуши по
 землѣ и по водѣ. А что ся учинишъ межи насъ кня-
 зей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на ру-
 бежъ, да межи насъ поговорятъ: а не уговоряшся, ини
 ѣдутъ на шреший на князя на великого на Ольга; на ко-
 го помолвишъ, виноватый передъ правымъ поклонися, а
 взятое отъдастъ. А чьи судьи на шреший не поѣдутъ,
 или накого шреший помолвишъ, авъ взятого не отъдастъ
 по правому опняши, а по ему не въ измѣну. А цело-
 ванья не сложиши и до живота; а всему обидному дѣ-
 лу межи насъ судъ вопчий отъ первого нашего цело-
 ванья, отъ положенья веригъ свяшого Апостола Петра.
 А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, ини ѣдутъ на
 шреший на князя великого на Ольга; а намъ княземъ
 въ судъ въ вопчий не въступатися, въдаюшъ по шѣ, на-
 комъ есме положилн. А вывода и рубежа межи себе не
 замышляши: а хто замыслишъ рубежъ, рубежника по
 исправѣ выдаши. А суженого не посужати; суженое, по-
 ложеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка;
 холопа, робу, шашя, розбойника, душегубца выдаши по
 исправѣ. А мыша ти держати и пошлины имати по
 старой поплинѣ у нашихъ гостей и у шорговцевъ; а
 пушь имъ даши чиспѣ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ
 при великомъ князи при Иванѣ, и при нашемъ дяди
 при великомъ князи при Семенѣ, и при моемъ опци
 при великомъ князи при Иванѣ; а мышовъ ти новыхъ
 и поплинѣ не замышляши. А почнушъ швои искаши пе-
 редъ насъ, или наши передъ тебе, или предъ наши

на мѣспниці, www.fozaurLiturgic.ro или передъ волоспели, хоженного въ городѣ алпынѣ, и на правду два; а далний ѣздъ верьста по Рѣзанѣ, а на правду вѣдвое. А хшо отъ насъ приго- нишъся въ швою вошчину за холопомъ или за должникомъ, а изымаешъ самъ, а безъ присшава, да посшавишъ передъ шбою, или передъ намѣспники, или передъ волоспели, въ шомъ вины нѣшъ: а имешъ съ кимъ холопъ его шягашися, а не будешъ по немъ поруки; ино холопа обвиниши, да вы- даши осподарю, а зъ головы даши пошѣлины гривна, а съ семьи червершъ. А на семь па всемъ, *брате молодой* князь великий Мнханло Олександровичъ, целуй ко мнѣ крестъ *къ брату къ старѣйшему* князю великому къ Дмишрию Ивановичю, къ моему брату, князю Володимеру Ондрѣевичу, и къ нашей вошчинѣ къ Великому Новугороду, и за свои дѣши, и за свои братавичи, по любви въ правду, безо всякие хипросши.

А сий *списокъ* съ грамошы съ крешной съ шФѣрь- ской.

www.tezaurliturgic.ro
ДОГОВОРНАЯ ГРАММАТА

(въ копн)

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ОЛЕГОМЪ ІОАННОВИЧЕМЪ РЯЗАНСКИМЪ.

(Писана при митрополитѣ Киприанѣ, 1381 года.)

По благословленью отца нашего Киприяна митрополита всея Руси. На семь, братъ старѣйши князь велики Дмитрей Ивановичь и братъ твой Володимеръ Андрѣевичь, целуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодщему ко князю къ великому къ Олгу Ивановичю. Имѣти ти мене собѣ братомъ молодщимъ, а брату твоему имѣти мене собѣ князю Володимеру братомъ; а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ въ ордѣ и на Руси отъ чистосердѣя; а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А вотчины вы моеѣ блюсти, а не обидети; а мнѣ вашиѣ вошчины блюсти, а не обидети, Москвы и Коломны и всѣхъ московскихъ волосней и коломенскихъ, что ся пошыгло къ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего великого княженья подъ вами ми блюсти, а не обидети. А межи насъ роздѣль земли по реку по Оку, опѣ Коломны вѣверхъ по Оцѣ, на московской сторонѣ Почень, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, и иная мѣспа рязанская, кошорая ни будущъ

на той споронѣ, шо къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну ошъ усть Тцны въ верхъ Тцснѣ по чшо на московской споронѣ Тцсны, шо къ Москвѣ; а чшо на рязаньской споронѣ, се шо къ Рязани. А володимерское по рубежь, по тому какъ шо было при вашемъ дѣдѣ при великомъ князе при Иване Даниловиче, и при вашемъ дядѣ при великомъ князе Семенѣ при, и при швоемъ опци при великомъ князе при Иванѣ. А чшо на рязаньской споронѣ за Окою, чшо доселе пошягло къ Москвѣ, Почей, Лопастна, уѣздъ Мьспиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничъ съ мѣспы, какъ ся опѣступили князи шорускіе Федору Свяшославичю, ша мѣспа къ Рязани. А чшо мѣспо князя великого Дмитрия Ивановича на рязаньской споронѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Таидулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали, въ шо ся князю великому Олгу не въспушати, и князю великому Дмитрию. А чшо мѣспа Талица, Выпользовъ, Такасовъ, ша мѣспа князю великому Дмитрию, князь великій Олегъ спуплся шѣхъ мѣспѣ князю великому Дмитрию Ивановичю. А чшо купля князя великого Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, шо князю великому Дмитрию; а князю великому Олгу не въспушанися по шотѣ розѣздѣ. А чшо *татарская мѣста отоималъ князь великій Дмитрий Ивановичъ за себя отъ Татаръ* до сего до нашего доконьяня, ша мѣспа князю великому Дмитрию; а чшо князь великій *Олегъ отоималъ татарская отъ Татаръ* дополе же, а шо князю великому Олгу ша мѣспа. А къ Литвѣ князю великому Олгу целованье сложиши. А будещъ князь великій Дмитрий Ивановичъ и брашъ князь Володимеръ съ Литвою въ

любви, ино и князь великий Олегъ съ Липвою въ любви; а будешь князь великий Дмишрий и князь Володимеръ съ Липвою не въ любви, и князю великому Олгу быши со княземъ съ великимъ съ Дмишриемъ и со княземъ съ Володимеромъ на нихъ съ одного. А съ Ташары *аже будетъ* князю великому Дмишрию *миръ* и его брашу князю Володимеру или данье, ино и князю великому Олгу *миръ* или данье съ-одного со княземъ съ великимъ съ Дмишриемъ: *а будетъ не миръ* князю великому Дмишрию и брашу его Володимеру *съ Ташары*, князю великому Олгу *быти со княземъ съ великимъ съ Дмишриемъ и съ его братомъ съ-одного на Ташары, и битися съ ними.* А съ русскихъ князей, кто князю великому Дмишрию другъ и князю Володимеру, шо и князю великому Олгу другъ: а кто недругъ князю великому Дмишрию и князю Володимеру, а шо и князю великому Олгу недругъ, ишти нань съ одного. А что князь великий Дмишрий и братъ князь Володимеръ. билися на Дону съ Ташары, опъ шого веремени что грабежь, или что поиманье у князя у великого людин у Дмишрия и у его брата князя Володимера, шому межи насъ судъ волчий, опдати шо по исправе. А что ся ни дѣяло дошле, какъ есмя целовали креспъ, шому всему погребъ, до Спасова Преображенья дни за чешыре дни: а судъ волчий межи насъ опъ шого праздника всему; а о чемъ суды наши сопрутся, ѣдушъ на шреший, кого себѣ изберушъ. А судомъ волчимъ не персводити; а кто имешъ переводити, правый у шого возьмешъ, а шо ему не въ измѣну. Суженого не посужати, суженое положеное дати; холопа, робу, должника, поручника, шашя,

розбойника, думи мѣзъ ашъ выдѣши. По исправе. А пош-
лины съ семьи шесть денегъ, съ пѣшоходовъ два алпы-
на; а съ одного не имати. А мышы ны держаши дав-
ныи пошлыи, а непошлыхъ мыповъ и пошлинъ не за-
мышляпи; а мыша съ воза по дензе, а съ пѣшехода
мыша нѣшъ. А вывода ны и рубежа межи собе не за-
мышляпи; а кпо замыслишъ, шого выдапи по исправе.
А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля. На
семъ на всемъ, братае сшарѣйший князь великий Дми-
трий Ивановичъ и брашъ швой князь Володимеръ
Андрѣевичъ, целуйше ко мвѣ крестъ къ брашу своему
молодшему ко князю къ великому къ Олгу Ивановичю,
по любви въ правду, безъ хипрости.

ДОГОВОРНАЯ ГРАММАТА

**ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА СЪ
ВРАТОМЪ, КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМИРОМЪ АНДРЕЕВИ-
ЧЕМЪ.**

ОБЪ ИЗМѢНЕНИИ ПОРЯДКА ПРЕДСТОЛОНАСЛѢДІЯ.

(Писана при митрополитѣ Пименѣ, 1388 года.)

По благословенью опца нашего Пимина митрополиша
всея Руси. Се язъ князь великій Дмитрий Ивановичъ
пріялъ есмъ въ любовь браша своего молодшого и сво-

его сына князя Володимера Андрѣевича, и докончали есмы, и целовали есмы крестъ у своего опца у митрополита. Быши ны за одинъ, и имѣши ему мене опцемъ, а сына моего князя Василья брапомъ спарѣйшимъ, а князя Юрья брапомъ, а дѣши мои меншиѣ брашьено молодшею; а жиши ны по тому, какъ жили опци наши съ своимъ брапомъ съ спарѣйшимъ, а съ нашимъ дядею, со княземъ великимъ Семеномъ. Тебѣ, брашу моему молодшему и моему сыну князю Володимеру Андрѣевичу *держати ти подо мною и подѣ моимъ сыномъ подѣ княземъ подѣ Васильемъ, и подѣ моими дѣтми княженъе мое великое гестно и грозно;* а добра ти мнѣ хопѣши и моимъ дѣшемъ во всемъ, а службыши ти мнѣ безъ ослушанья. А что ти слышевѣ о мнѣ и о моихъ дѣсехъ опѣ хреспьянина или опѣ поганина, то ти намъ повѣдаши въ правду. А хпо будешъ другъ мнѣ и моимъ дѣшемъ, то и тебѣ другъ; а хпо будешъ мнѣ и моимъ дѣшемъ недругъ, то и тебѣ недругъ, а тобѣ шакоже и швоимъ дѣшемъ. А тобѣ брашу моему молодшему и моему сыну безъ мене и безъ моихъ дѣший не канчиваши ни съ кѣмже, а мнѣ бесъ шобе. А мнѣ и моимъ дѣшемъ что слышевѣ о тобѣ опѣ хреспьянина или опѣ поганина, а то тобѣ повѣдаши въ правду. А чимъ мя благословилъ опецъ мой князь великый Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ спанѣхъ два жеребья, и пошлинѣ всѣхъ два жеребья, шакъже и Коломна съ волосшми, и Звенигородъ съ волосшми, и Можаетскъ съ волосшми и опѣздными мѣспы и великымъ княженъемъ; того ти *подо мною блюсти и подѣ моимъ сыномъ подо княземъ подѣ Васильемъ и подѣ моими дѣтми.* А чимъ благословилъ шобя

опець пвой князь Андрей въ городѣ Москвѣ и въ спанѣхъ прешь, и пошлинъ всѣхъ прешь, удѣломъ, чѣмъ шя благословилъ опець пвой; а что пи даль опець мой князь великій Иванъ Городецъ въ Лопасны мѣсто, и пы мнѣ попомъ челомъ добилъ опцомъ моимъ Алексѣемъ митрополипомъ всея Руси, и язъ побѣ пожаловалъ, даль пи есмъ Лужу и Боровескъ, и что пи ся досмало удѣла княгинина Ульянина; того всего мнѣ князю великому, и моему сыну князю Василью и моимъ дѣтемъ подѣ шобою блюсти и подѣ швоими дѣшми. А коли иму слапи свои данщикы въ городѣ и въ спаны, а шобѣ слапи свои данщикы съ моими вмѣспѣ. А что пи ся есмъ былъ опспупилъ дани въ Расшовцѣ и въ Перемьшлѣ, а на шо ны слапи свои данщикы вмѣспѣ, какъ было при нашемъ дѣдѣ при великомъ князи и при нашихъ опцѣхъ. А что наши данщикы сберушъ въ городѣ и въ спанѣхъ и въ варяхъ, шому иши въ мого казну, а мнѣ давапи въ выходѣ. А на Козловѣ бродѣ слапи пи своего данщика, шѣмъ шя есмъ пожаловалъ; а что берешъ, шому иши въ мою казну, въ городскую дань. *А оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ орды,* ино мнѣ два жеребья, а шебѣ прешь. А ординьская шягосшь такъже и прошорѣ даши пи мнѣ брашу своему спарѣйшему и опцю, и сыну моему князю Василью съ своего удѣла и со княгинина удѣла Ульянина съ швое преши въ 5,000 рублевъ пристра рублевъ и дващашь рублевъ, а придетъ ли, убудешъ ли, ино по розочшу: а долгъ бесерменьскый и прошорѣ, и Русьскый долгъ, а шо ны подѣняпи по шому же по розочшу. А что наши ординци и делюи, а шымъ знаши своя служба, какъ было при нашихъ опцѣхъ; а численыхъ людий блюсти

ны съ одного, а земля ихъ не купиши. А копорыи слуги къ дворьскому, а черныи люди къ сшановщику, шыхъ въ службу не примаша, а блюсти ны ихъ съ одного, а земля ихъ не купиши. А въ швой ми удѣлъ данщиковъ своихъ, ни приспавовъ своихъ не всылаши; шако же и шобѣ и во все въ мое великое княжене, ни грамотъ не даваши, ни закладный не держаша. А судовъ ши московскихъ безъ моихъ намѣспниковъ не судиши, а язъ ему московскыи суды судиши; шѣмъ ми ся съ шобою дѣлиши. А буду опроче Москвы, а ударишъ ми челомъ Москвишинъ на Москвишина, приспава ми даши, а послаши ми къ своимъ намѣспникомъ, ини исправу учиняшъ, а швои намѣспники съ ними: а ударишъ ми челомъ хшо изъ великого княженя на Москвишина на швоего боярна, и мнѣ приспава послаши по него, а шобѣ послаши за своимъ своего боярина. А ударишъ ми челомъ мой на швоего, хшо живешъ въ швоемъ удѣлѣ, и мнѣ послаши въ шобѣ, и шобѣ ему исправа учиниши: а ударишъ ши челомъ швой на моего, хшо живешъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженя, и шобѣ послаши ко мнѣ, и мнѣ ему исправа учиниши; а за ними слаши намъ своихъ бояръ. А копорыи суды пошягли къ городу къ Москвѣ при нашихъ опщѣхъ, шѣ суды и нонѣча пошянушъ къ городу. А сель ши не купиши въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженя, ни швоимъ дѣшемъ, ни швоимъ бояромъ. А хшо будешъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людей, по опца моего живощъ по князя по великаго по Ивановѣ, а шѣ хшо възможетъ выкупиши, инѣ выкупяшъ; а не възмогушъ выкупиши, инѣ пошянушъ къ чернымъ людемъ; а хшо не възсочешъ шянуши, инѣ ся земля съспуяшъ,

а земли черными людьми даромъ. Также и мнѣ, и моимъ дѣшамъ, и моимъ бояромъ селъ не купиши въ швоемъ удѣли; а хто будетъ покупилъ, а шо по пому же. А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А хто иметъ жиши моихъ бояръ и моего сына княжихъ Васильевыхъ и моихъ дѣшей въ швоемъ удѣлѣ, блюспи ши ихъ какъ и своихъ, и дань взяши какъ и на своихъ: а хто иметъ жиши швоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, а шѣхъ намъ блюспи какъ и своихъ, и дань взяши какъ и на своихъ. А коли ми взяши дань на своихъ боярѣхъ, на большихъ и на пупныхъ, погды ши взяши на своихъ шакъже по кормленью и по пушемъ, да даши ши мнѣ, а шо опроче того урока шрехъ сошъ рублевъ и дващцаши. А коли ми будетъ послаши на рашъ своихъ воеводѣ, а швоихъ бояръ хшо вмешъ жиши въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, шѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ по пому же съ швоимъ воеводою. А коли ми будетъ самому всѣспи на конь, а шобѣ со мною; или шя куды пошлю, и швои бояре съ шобою. А московская рашъ хшо ходилъ съ воеводами, шѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не принимаши. А госпи и суконъниковъ и городьскихъ людий блюспи ны съ одиного; а въ службу ихъ не принимаши. А въ городъ послаши ми своихъ намѣспниковъ, а тебѣ своего намѣспника, инѣ очиспяшъ и холоповъ нашихъ и сельчавъ по опца моего живопѣ по князя по великого. А которая дѣла учиняпся межи нами, и намъ ошѣслаши своихъ бояръ, инѣ исправу учиняшъ; а о чемъ сопрушся, иня ѣдушъ къ мишрополишу; а не будешъ мишрополиша въ сей землѣ, инѣ на шрешей, кого себѣ изберушъ: а которыѣ бояре умоляшъ, шо подоймешъ

князь, котораго умоляшъ, а бояромъ вины вѣштъ. На семь на всемъ цѣловали есмы крестъ язъ князь великый Дмипрій Ивановичъ и сынъ мой князь Василей и за свои дѣши ко князю къ Володимеру Ондрѣвичу и къ его дѣшемъ; а князь Володимеръ Ондрѣвичъ целовалъ крестъ ко мнѣ ко князю къ великому и къ моему сыну ко князю Василью и къ моимъ дѣшемъ и за свои дѣши, по любви въ правду, безъ всякыя хитрости.

«Къ сей граммашѣ привѣшены при восковыя печашы, изъ коихъ двѣ совѣмъ розкрошились; и граммаша во многихъ мѣстахъ исплѣла, но была дополнена имѣющимъ ся съ оной спискомъ.»

ДУХОВНАЯ ГРАММАТА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА

(Писана 1389 года.)

Во имя Отца и Сына и святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божий Дмипрій Ивановичъ пишу грамошу душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ: а вы дѣши мои живите за одинъ, а матерн своее слушайте во всемъ. А

городъ со всѣми волоспми и съ памгою и съ мышы, и зъ боршью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости звенигородскыѣ: Скирменово зъ Бѣлми, Троспна, Нѣгуча, Сурожыкъ, Замошская слобода, Юрьева слобода, Руза городокъ, Росповци, Кремична, Фоминьское, Угожь, Суходоль съ Испею съ Испервою, Вышегородъ, Плѣснь, Дмиприва слободка. А изъ московскихъ сель даю сыну свосму князю Юрью село Михалевское, да Доманшовское, да лугъ Ходыньский; а изъ юрьевскихъ сель ему: прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Красного села починокъ за Везкою придалъ есмъ къ Кузмыдемьянскому, да сего Богородицкое въ Росповѣ. — А се даю сыну своему князю Аньдрю: Можаяскъ со всѣми волоспми и съ памгою и съ мышы, и зъ боршью и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ опъвздными волоспми, а волости можайскыѣ Исмея, Числовъ, Боянь, Бересповъ, Порошва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржанъ да Мошинъ холмъ придалъ есмъ къ Можайску; а се волоспи опъвздныѣ: Верей, Рудъ, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да село Рѣпиньское, да Ивановское Васильевича въ Гремичахъ. А Колуга и Роцца сыну же моему князю Аньдрю; и что вышягалъ бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичъ на обчемъ рѣшѣ Товъ и Медынь у Смолняитъ, а то сыоу же моему князю Аньдрю. А изъ московскихъ сслъ ему: Напрудское село, да Луцинское на Яузъ съ мелницею, Дѣуиньское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровьский, а другой прошиву Воскресенья; а изъ юрьевскихъ сель ему Олексиньское село на Пѣкшѣ. — А се даю сыну своему князю Петру:

князя у Оньдрѣя изъ Бѣла озера Вольское съ Шаго-
 лью и Милолюбъскій тѣзъ; а изъ володимерскихъ сель
 княгинѣ моей: Оньдрѣевское село, а исъ переяславъ-
 скихъ сель Доброе село, и чпо къ нимъ попягло; а изъ
 удѣла сына своего княжа Васильева Каневъ, Пѣсочну,
 а исъ сель, Малиньское село, Лысцево; а изъ княжа
 удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходоль съ
 Испею съ Испервою, да село Оньдрѣевское, да Ка-
 меньское; а изо княжа удѣла изъ Оньдрѣева Верей, да
 Числовъ, да село Луциньское на Яузъ съ мельницею;
 а изъ княжа удѣла исъ Пешрова Ижво, да Сяма. А чпо
 есмь далъ своей княгинѣ изъ удѣла сына своего княжа
 Васильева, и изо княжа изъ Юрьева, изо княжа Онь-
 дрѣева, изо княжа исъ Пешрова волости и села; а чпо
 Богъ размыслишъ о моей княгинѣ, и шѣ волости и села
во тѣмъ удѣлѣ, по тому и есмь. А се даю своей кня-
 гинѣ: свой примысль Скирменовскую слободку съ
 Шепковымъ, Смоляныѣ съ Мишяевскимъ починкомъ и
 зъ боршью, съ вышгородскими боршѣники, Кропивну
 зъ боршники съ кропивеньскими и съ исменьскими и зъ
 гордошевскими и съ рудьскими, Желѣзкова слободка
 зъ боршью съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, Исковь-
 ская слободка, Кузовъская слободка, и чпо княгини
 моее прикупъ, и чпо къ ней попянуло, по моей княгинѣ.
 А по которая мѣста слободскиѣ волостпели судили шѣ
 слободы при мнѣ, и княгини моее волостпели судяшъ по
 лаже мѣста, какъ было при мнѣ. А чпо княгини моее
 купля Лохно, по ее и есмь. А на Коломнѣ мой при-
 мысль Самойлецевъ починокъ зъ деревнями, Савельевскій
 починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебяшевъ-
 ское, а по княгини моей. А чпо ее село Рѣпеньское

ихъ благословилъ, и сынъ мой князь Василей возьмешъ съ своего удѣла съ Коломны и со всѣхъ коломенскихъ волоспий 300 рублевъ и 40 и 2 рубли, и княгини моя дастъ ему въ шо серебро съ Пѣсочны 50 рублевъ безъ 3-хъ, а съ Канева двашцять рублевъ и два рубли. А князь Юрьи возьмешъ съ Звенигорода и со всѣхъ звенигородскихъ волоспий двѣспѣ рублевъ и семьдесяпѣ рублевъ и два рубли, и княгини моя дастъ ему въ шо серебро съ Юрьевы слободы пяпѣдесяпѣ рублевъ; а съ Суходола полпѣпѣнадесяпѣ рублевъ, а съ Смоляныхъ 9 рублевъ, а съ Скирменовскіѣ слободки 9 рублевъ. А князь Ондрѣй возьмешъ съ Можайска и со всѣхъ волоспий можайскихъ сто рублевъ и семьдесяпѣ рублевъ бесъ прехъ, а съ ошѣздныхъ мѣспѣ семьдесяпѣ рублевъ безъ дву, и княгини моя дастъ ему въ шо серебро двашцять рублевъ и полшрешѣя рубля съ Верей, а съ Числова полшосма рубля, а съ Заячкова двашцять рублевъ и два; съ Холѣхладесяпѣ рублевъ, съ Жельсковы 9 рублевъ, съ Исконьскіѣ слободки полшсема рубля, съ Кропивны полшсема рубля. А князь Пешрѣ возьмешъ съ своего удѣла сто рублевъ и одинѣнащцять, и княгини моя дастъ ему въ шо серебро съ Ижва шрипцять рублевъ. А князь Иванъ дастъ князю Василью съ Сохны пяпѣ рублевъ, а съ Раменейца дастъ князю Пешру пяпѣ рублевъ, а шо возмутъ въ шпѣсячу рублевъ; а будешъ боле или меньши, ино по шному розочпу. — *А перемѣнитъ Богъ орду,* дѣти мои не имущъ давати выхода въ орду, и кошорый сынъ мой возьмешъ дань на своемъ удѣлѣ, шо шому и еспѣ. А шпо еспѣ подавалъ своей княгинѣ волоспи и села изъ удѣловъ дѣпний своихъ, и свой примыслъ и слободы и села, и Холхолъ и Заячковъ, а съ шѣхъ волоспий, и

съ слободъ и селъ, что вымалъ у дѣши княгини моя, по ей и ешь; а дѣши мои въ шо не въспупаюшьяся. А ись шѣхъ волоспий и слободъ и селъ, что есмъ вымалъ у дѣши своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будешъ жалоба сиропамъ на волосшели, и шѣмъ людемъ учинишъ исправу княгини моя; а дѣши мои въ шо не въспупаюшьяся. А что есмъ далъ сыну своему князю Аньдрѣю Заберегу, за шо дѣши мои вси даюшъ оброкъ святому Спасу пѣшьнашцѣшъ рублевъ на годъ на спасовъ день. — А се благословляю дѣши своихъ: сыну моему спаришему князю Василью икона Парамшина дѣла, чепъ золаша, что ми дала княгини Василиса, поясъ золашъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золашъ съ ременемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золаша; а сыну моему князю Юрью поясъ золашъ новыи съ каменьемъ съ жомчюгомъ безъ ремени, поясъ золашъ Шышкйна дѣла, вошопла сажена; а сыну моему князю Ондрѣю снаспъ золаша, поясъ золашъ спарыи новгородскыи; а сыну моему князю Пешру поясъ золашъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золашъ съ калишою да съ шузлуки, да наплечки, да аламъ; а сыну моему князю Ивану поясъ золашъ шашауръ, да два ковша золашы по двѣ гривенки. А что ся оспанешъ золашо или серебро, или иное что но ешь, шо все моей княгинѣ. А что ся оспанешъ спадъ моихъ, шѣмъ моя княгини подѣлишьяся съ моими дѣши по часпемъ. — А что будешъ моихъ казначѣевъ, или что будешъ моихъ дьяковъ прибышокъ мой опъ мене вѣдали, или посельскыхъ, или шиуновъ или что женился у шѣхъ, шѣ всѣ не надобъ моей княгинѣ и моимъ дѣшемъ. — А приказалъ есмъ свои дѣши своей княгинѣ: а вы дѣши мои слушайше свое

машери во всемъ, изъ ея воли не выступайшеса ни въ чемъ. А которъи сынъ мой не имешъ слушаши свое машери, а будешъ не въ ея воли, на помъ не будешъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чштите и слушайте своего брата спаришего князя Василья въ мое мѣсто своего опця: а сынъ мой князь Василий держышъ своего брата князя Юрья и свою братью молдшюю въ братьствѣ безъ обиды.—А хто моихъ бояръ имешъ службыши моей княгинѣ, шѣхъ бояръ дѣти мои блюдете съ одного.—А хто сю грамошу мою порушишъ, судишъ ему Богъ, а не будешъ на немъ милоспи Божии, ни моего благословенья, ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий.—А писалъ есмъ сю грамошу передъ своими опци, передъ игуменомъ передъ Сергиемъ, передъ игуменомъ передъ Саваспьяномъ; а шушо были бояре наши Дмитрій Михайловичъ, Тимофѣй Васильевичъ, Иванъ Родивоновичъ, Семень Васильевичъ, Иванъ Федоровичъ, Олександръ Аньдрѣевичъ, Федоръ Аньдрѣевичъ, Федоръ Аньдрѣевичъ, Иванъ Федоровичъ, Иванъ Аньдрѣевичъ; а писалъ Внукъ.

«Къ сей граммашѣ, писанной на пергаминѣ, привѣшена серебряная позолоченная печашь.»

Икона Божией Матери ДОНСКАЯ

Икона Пресвятой Богородицы Донская была принесена донскими казаками, прибывшими на помощь великому князю Димитрию Донскому в битве с татарами.

В день Куликовской битвы в 1380 году икону носили среди православных воинов для ободрения и помощи им против татарской рати. Когда неприятели были поражены, казаки поднесли икону в дар Димитрию Донскому. В память победы, одержанной заступлением Пресвятой Богородицы на берегах Дона, икона названа Донскою. Великий князь Димитрий Донской привез ее после Куликовской битвы с собой. Святыня находилась в Успенском соборе в Коломне, царь Иоанн Грозный молился перед ней, отправляясь на Казанский поход. Позже, в XVI веке, икону перенесли в Благовещенский собор Московского Кремля.

В 1591 году крымский хан Казыгирей вторгся в пределы России и подступил к Москве. Царь Федор Иоаннович приказал с Донской иконою Пресвятой Богоматери совершить крестный ход вокруг Москвы и после поставить ее среди воинских рядов. При наступлении татары вдруг были уstraшены невидимою силою и обратились в бегство. В этом же, 1591 году был основан Донской монастырь, где и была поставлена чудотворная икона.

В 1598 году свт. Иов, патриарх Московский и всея Руси нарек ею на царство Бориса Годунова.

Известны многочисленные свидетельства заступничества и спасения верующих по милости Донской иконы Божией Матери.

Празднование иконе 19 августа.

**АКАФИСТ
ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЕ НАШЕЙ
БОГОРОДИЦЕ
В ЧЕСТЬ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ
ЕЕ, ИМЕНУЕМОЙ
ДОНСКАЯ**

Кондак 1

Взбрáнной Воево́де победительная, яко избавльше-ся от злых, благодарственная воспису́ем Ти раби Твои, Богородице, но, яко иму́щая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи́, да зовем Ти: Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Икос 1

Архангела благовестие слышавши, Пречистая, соизво́ли воле Господа Своего и со смирением се́рдца отвещá: «Се, Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему». Мы же, дивящесея, ка́ко Сын Божий Сын Девы бывает, со Гавриилом Благодатную пёсньми почтим: Радуйся, Отроковице, от всех родов Богоизбрáнная; радуйся, скíние, Духом Святым осененная. Радуйся, живоносная обитель Света Божественнаго; радуйся, Мати Божия, Спаса миру рождшая. Радуйся, яко Тобою, Благодатная, Невидимый нам видим бысть; радуйся, Всепетая, яко сотвори Ти величие Сильный. Радуйся, яко прославлением икон Твоих величие сие возвещается; ра-

дуйся, благодать и милость чудотворными иконами Твоими нам являющая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напáстех нам помогающая.

Кондак 2

Видяще Тя, Богородице, во объятях Младенца Христа держащую и главою к пречистому Лику Его крótце приникшую, разумеваем Божественную любовью Твою и непрестанное о мире ходáтайство. В шúйце же дёржиши плат чистый, еже слезы плачущих скоро осушáти, да никтоже от Тебе неутéшен изьдет. Веруем, яко íмаши вéлие дерзновение ко благосердию Владыки, и Богу, давшему нам Тебе, Благоую Заступницу, благодарственно поем: Аллилуиа.

Икос 2

Разум немощный не может постигнуть глубину смиренного служения Твоего, Госпоже, на земли Искупителю нашему, не имевшему, где главу подклонíti. Во дни уничижения и страдания Сына Твоего, Богомати, оружие смертное прехождáше сердце Твое. Сего ради сердцем соболéзнующе, глаголем Ти таковая: Радуйся, незлобивая А́гнице, вертéп и ясли смиренно приявшая; радуйся, Богоприимца Симеона скорбное проречение в сердце начертавшая. Радуйся, поношению Сына Божия сострадавшая; радуйся, крестный путь Его слезами оросившая. Радуйся, мýки Его крестныя сердцем разделившая; радуйся, Кресту предстоянием послушание воле Отца явившая. Радуйся, гробу Сына Твоего благосердый плач принесшая; радуйся, Воскресением Его обрадованная. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напáстех нам помогающая.

Сила Вышняго содела Тя, Благодатная, источник неоскудевающ утешения бедствующим. Многи бо скорби претерпевши, можещи и искушаемым помощі. Людем российским, люте страждущим от нашествия агарян, благоволила еси явити образ Твой в струях реки Дона в знамение милости Твоея ко Отечеству нашему, в защиту от враг видимых и невидимых, техже помощию Божию побеждающе, Спасителю Богу поем: Аллилуиа.

Икос 3

Имуще Тя первую Подвигоположницу, шествующую по стопам Владыки Христа, мужества исполняхуся первосвятителие Московстии и подвижницы благочестия Российстии, беды и напасти претерпевающе, учаще люди духом Господеви работати, ибо сила Божия в немощи совершается. Мы же, видяще веру отец наших и явление благодати, нравы злыя в добрыя претворившия, достойно Тя, Наставницу верных, ублажаем: Радуйся, насаждение веры и благочестия; радуйся, образе несокрушимаго скорбей терпения. Радуйся, доблести и веры богатство неистощимое; радуйся, духа уныния и боязни отгнание. Радуйся, духа разума и крепости стяжание; радуйся, святых печальников земли Российской возрастившая. Радуйся, в струях Донских чудно икону Твою явившая; радуйся, реки слез народных ею изсушившая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 4

Буря превеликаго нашествия агарянского потрясе землю Русскую, но не возможе угасити пламень веры в

покров Твой, Богомати Пречистая. Великий печальник наш Преподобный Сергей, призвав на помощь Святую Троицу и Тя, Владычице, со упованием благослові великаго князя Димитрия с дружиною поход протіву агарян и проречé ему: «победиши враги твоя», темже научи всех пети Всесильному Богу, в Троице славимому: Аллилуиа.

Икос 4

Видя икону Богоматере, на поле брани от Донских предёл пришедшую, и, прияв от рук иноков послание Сергия Преподобнаго с напугием: «Да поможет ти Бог и Святая Богородица», возрадовася князь Димитрий, яко Сама Владычица грядет на супостаты, и, воспрянув духом, с надеждою поведé воины своя на тьмочисленные полчища и победу одержá. Икона же Твоя, Владычице, молниеносным блистанием зрака Твоего враги устрашаючи, залог победы являше. Сего ради благодарственно и радостно поет Ти похвальныя сия: Радуйся, в явлении иконы Твояя лучами Солнца Правды верных осиявшая; радуйся, Небесная Воеводо, Мати Господа Сил. Радуйся, воинов-иноков на подвиг ратный избравшая и укрепившая; радуйся, Отечество наше от ига агарянскаго свободившая. Радуйся, воином мужества неодолимаго даровáние; радуйся, врага исконнаго грозное низвержение. Радуйся, преславную победу православно Тя чтущим даровáвшая; радуйся, земли Русския от века Покров и Помощнице. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 5

Богоявлéнною звездою возсия икона Твоя пресвет-

лая, озаряючи утро Брани и везещаючи благословение Божие ратоборцем, на брань жестокою с агаряны подвижшимся. Весь день той предстояще Сергей Преподобный с братиею неотступно Престолу Святыя Троицы. Вечеру уже бывшу, победу старец духом познав, о сем радостно провозгласи и благодарственное пение соверши Всещедрому Богу, призывая и нас велегласно воспети Ему: Аллилуиа.

Икос 5

Видя очами веры течение битвы и молитвою ратоборцы укрепляя, поименно поминаше Преподобный Сергей вожди и воины убиенныя. Мы же, имуще завет его память о таковех особо творити и видяще силу молитвы, победу оружию приносящия, из глубины сёрдца воззовем Божией Матери, Всемощней Покровительнице дúшу свою полагающих за дрúги своя: Радуйся, воинов непреборимая Спобóрнице; радуйся, меч гнева Божия смелым вручающая. Радуйся, из терния злострадааний венец победы соплетающая; радуйся, во бранех силу духа даже до подвига возвышающая. Радуйся, болящих и ранами уязвленных не оставляющая; радуйся, убиенных на поле брани к вечному покою управляющая. Радуйся, родителей и вдовиц скорбящих благодатное утешение; радуйся, Воеводу изрядная, имущая державу непобедимую. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 6

Провозвестник спасения Москвы от внезапного нашествия агарянского явися образ Твой, Заступнице скорая. Неприателем во град внйти уже готовым, с верою и

слезным молением обнесоша его людие по стенам и стогнам града и поставиша посреде воев в походной церковице Сергия Преподобнаго, и, в молитве прилежаще, усердно взываю Всемилостивому Спасу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиявшу солнцу, узреша стрегущии воины, яко опусте стан агарян; ношью страх внезапу нападе на ня от некия велія силы и, смутившеса, бежаша не удержи-мо даже за пределы Российския и все изгибоша. О, предивная Заступнице наша! Твоими молитвами скорое избавление сие бысть. Да исполнится же древний храм сей, возвысившийся на месте, идеже стояше чудотворный образ Донский, гласа хвалы сея: Радуйся, града Москвы страже неусыпающий; радуйся, миротворца князя Даниила начало величию Москвы положиши сподобившая. Радуйся, молитвами святителей и Сергия Преподобнаго град наш ограждающая; радуйся, в день скорби плач верных в радость претворяющая. Радуйся, коварнаго врага внезапным бегством истребившая; радуйся, упование на помощь Твою не посрамившая. Радуйся, свеще неугасимая, веры огонь воспламеняющая; радуйся, Благодатная, яко Тобою с нами Бог. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 7

Восхотевши оградити Русь Православную, Державная Покровительнице наша, многажды козни агарян и прочих иноплеменник разоряше, пределы страны наша хранящи, и победы обильныя даже без крове подаваше. Егда же Великую и Малую Россию воссоедини-

www.tezauri.ru
тиса благословила еси, чем силу Царства в единении народа нашего, в союзе любви утвердила еси. Благоволи, о Мати Божия, в мире глубоче вселенную сохранить, Тебе бо дадётся благодать всемирнаго заступления пред Владыкою всех, Егоже воинства Небесная славят, поюще Ему: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго Стража Неусыпнаго града Москвы достойно почитати хотяще, соборный храм людие благочестивии в Донстей обители соорудisha и на стенах храма воздвигоша изображение иконы Твоея, Богомати, в Божественное ограждение страны нашея, яко да отъинуде находящии врази отражени будут неотступными молитвами Твоими. Тебе же, яко сущей с нами, со упованием глаголем: Радуйся, Бога Живаго Храме одушевленный; радуйся, Боголюбивая, страну Российскую достоянием Своим избравшая. Радуйся, ношных бдений и пеней молебных скорое слышание; радуйся, икону Твою, яко знамя побед неотъемлемое, даровавшая. Радуйся, прекращением браней мир и радость приносящая; радуйся, доброе Пристанище душам, ищущим спасения. Радуйся, Мати мира, смятений волны укрощающая; радуйся, града Москвы и страны нашея Всемощная Предстательнице. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 8

Разсѣяшася тучи напастей молитвами Твоими, Заступнице всеблагая, теплая заря покаяния, восходящи, предваряет токи благодати, призывающи к подвигу: веровати право и жити свято. Простри же покров Твой, о

www.tezaurliturgic.ro
Благодатная Мати, на всех грядущих тернистым, но вожденным путем Христовых заповедей, да вси познают, яко с нами Бог, Ему же поем: Аллилуиа.

Икос 8

Весь мир зле страдает грех ради человеческих, во зло его повергающих. В Тебе, Мати рода христианскаго, начало общаго избавления, исполнение всякия добродетели. Яви же нам, Богомудрая Дево, в Евангелии Сына Твоего Свет Божественный, да, отвергнуше горечь греха, сладость благочестия обрящем, взывающе Ти сицевая: Радуйся, благодати Живоносный Источниче; радуйся, тоюже мира всего дивное преображение. Радуйся, Всеблаженная, ходящая в законе Господни непорочно; радуйся, слезами покаяния орошающая нас благодатно. Радуйся, молитве сердечней научающая; радуйся, подвигу поста всепомоществующая. Радуйся, греховныя помыслы властно отгоняющая; радуйся, братолюбием темную злобу побеждати повелевающая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 9

Всех немощных крепосте, печальных утешение, страждущих посещение, верных дерзновение Ты еси, Пречистая Владычице Богородице: всех притекающих под сень Креста Господня ко спасению приводиши, да последуют Искупителю Богу, поюще песнь: Аллилуиа.

Икос 9

Ветии многовещаннии не могут исцелити, Человеколюбивая Мати, бездну щедрот Твоих, на злостражду-

www.tozauklit.ru
щия и безпомощныи и зливаемыи И ми, сладость утешения в нѹждах познавше, благословляем Тя с верою и чествуем с любовью, моления возносяще пред образом Твоим сицевáя: Радуйся, безмолвие дивное в скорбех земных показавшая; радуйся, скорбящих и плачущих отрадо и утешение. Радуйся, болящих Милосердая Целительнице; радуйся, долгонедѹжных сладости райския тайное приобщение. Радуйся, страждущих любовью ближних окружающая; радуйся, вдов и сирот незримая Питательнице. Радуйся, яко паче жемчуга слезами радости икона Твоя украшается; радуйся, Отечеству нашему победы обильныя дарующая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 10

Спасти хотя мир, Сын Божий из Тебе, Дево, плотию облечёся, и благодатию Его падшее естество человеческое, грехом оскверненное, очищение и спасение приемлет. Дивное Божие смотрение о нас Тобою, Дево, содействием Святаго Духа исполняется. Яко Ты еси во истину погибших Взыскание и нераскаянных грешников к покаянию теплому увещание, и Тобою от отчаяния греховнаго избавляеми, дерзаем с веселием пети Искупителю Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Стенá еси несокрушимая Цёркве Христовы, Всенепорочная Дево, верныя бо во искушениях укрепляеши и миром и любовью ограждаеши. Сего ради и воздыхания молитвенная не умолкают зовущих Ти: Радуйся, от купели Крещения Благая Восприемнице; радуйся, супругов благословенною любовью венчание. Радуйся, ма́-

терем многотрудным изрядная Помощнице; радуйся, чад непокоривых твердая Наставнице. Радуйся, в сиротстве дивное утешение; радуйся, враждующих нечаемое примирение. Радуйся, беззаконующих светом правды обличающая; радуйся, грехи наша в мори милосердия растворяющая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Кондак 11

Пение всеумилённое приносим Ти, вместившей Ипостасное Слово Божие. Агнец Божий сый, взявляя грех мира, Той закалается еже даться во вкушение верным. Сподоби же нас, Мати Божия, достойно причащаться Пречистых Тела и Крове Его, да, спасение улучивше, воспоем Жизнодавцу Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Дщи Отца Небеснаго, Мати Сына Божия, Невесто Духа Святаго, неисчерпаемое море даров Божественных Ты еси, Всесвятая Дево. Умоли Человеколюбца Господа открыти нам источник всеоживляющия благодати, да очищенным сердцем потщимся возрастити плоды Духа, в радости и веселии зовуще Ти: Радуйся, плодов Духа Святаго всецелое стяжание; радуйся, радостию духовною насыщение пречудное. Радуйся, мира непоколебимаго дарование благонадежное; радуйся, благи любвеобильныя исполнение. Радуйся, милосердия о Христе насаждение неувядаемое; радуйся, веры живыя утверждение несокрушимое. Радуйся, кротости незлобивыя Наставнице несравненная; радуйся, спасения нашего средостение вражды разрушившая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

Благодатную помощь многажды являла еси, Царице Небесная, чрез чудотворный образ Твой Донский, егда смерть вскоре предстояще людем. Сего ради на обратной стране иконы сея древняя изображено есть и всечестное Успение Твое, да всяк, подвижающийся во славу Бога и на благо ближняго, не убоится смерти, но, взирая, како Твоя душа приемлется в рuce Бога Живаго, с надеждою предает себе в час смертный Судии всех Богу, вопия Ему: Аллилуиа.

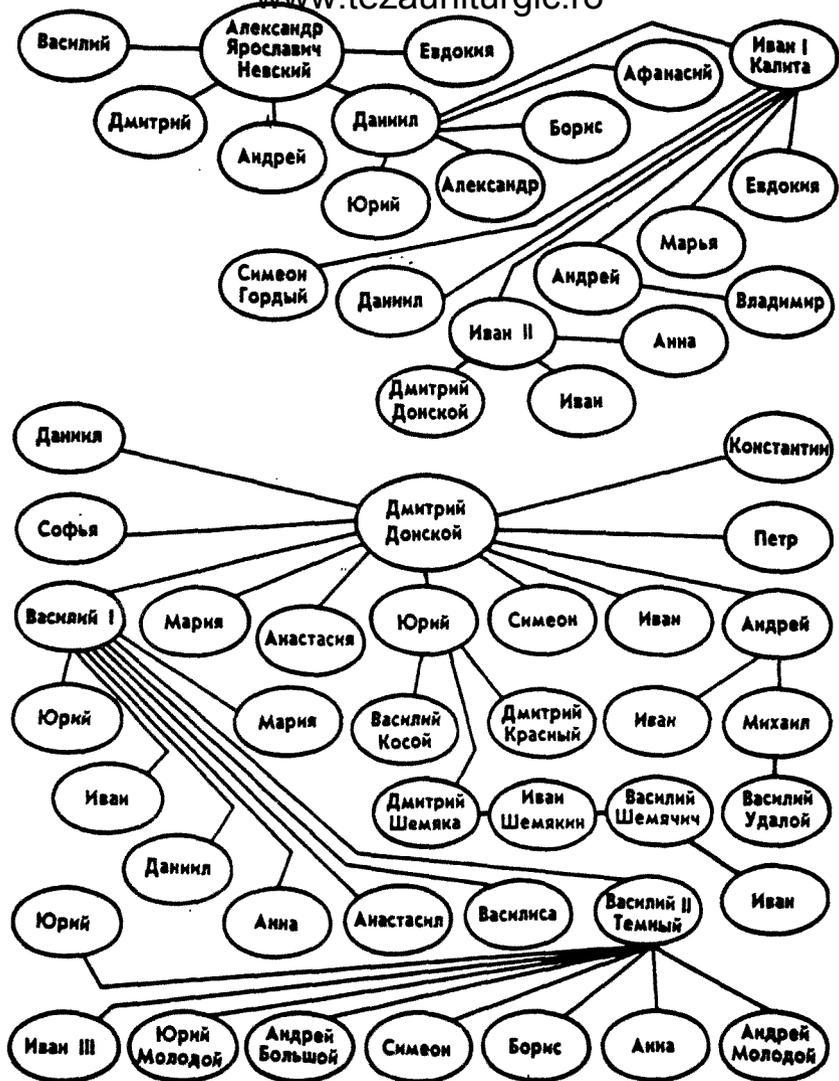
Икос 12

Поющие Тя, в молитвах неусыпающую Богородицу, Святей Троице предстоящую, вопием Ти: пробуди нас светом живоноснаго Успения Твоего от смертоноснаго сна нерадения о спасении души и испроси нам с Господом примирения. Егда же приспéет жатва смертная житию нашему, огради нас всеильным предстательством Твоим от духóв злобы, да, Тобою водими, достигнем Царствия Небеснаго, идеже незаходимое Солнце Правды невечерний Свет Славы Божественныя изливает. О Всесвятая Дево, от Херувим воспеваемая, прими от нас, недостойных, похвалы сия: Радуйся, Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая; радуйся, Мати Всепетая, одесную Бога предстоящая. Радуйся, горняго мира боголепная красото; радуйся, кладезю богомыслия неисчерпаемый. Радуйся, любве Божественныя светильнице неугасаемый; радуйся, греховных уз скорая Решительнице. Радуйся, воздушных мытарств прехождение неоскудное; радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая. Радуйся, Владычице, иконою Твоею Донскою в напастех нам помогающая.

О Всемилостивая Владычице Богородице, Россий-
ския страны дивная Заступнице, обидимых прибежи-
ще, грешных спасение! Отечество наше от враг защити,
вселенную всю миром благослови, веру православную
укрепи, скорби и крест со упованием понести помози,
в любви и согласии всех нас соблюди и в радость Госпо-
да внити сподоби поющих Ему: Аллилуиа, Аллилуиа,
Аллилуиа.

Сей кондак глаголи трижды, посем икос 1 и кондак 1

*Родословная великих и удельных князей
Владимирских и Московских XIII – XVI вв.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Св. блгв. вел. кн. Димитрий Донской (вступление).....	3
Димитрий Донской, или история о Мамаевом побоище	
Междоусобные брани русских князей. Казнь, от Бога на них ниспосланная	13
Нашествие татар на Россию. Жестокое их обращение с русскими.....	17
Характер и княжение Димитрия Иоанновича Донского	27
Мамай собирается идти на Россию. Он созывает военный совет, на котором положено истребить и разорить Россию до конца.....	31
Димитрий созывает князей и воинство. Прибытие татарских посланников к великому князю	38
Димитрий посылает послов к Мамаю. Благородные ответы русского посланника на гордые речи Мамаю	41
Свидание Димитрия с преподобным Сергием. Сергей отпускает двух богатырей, Пересвета и Ослябя.....	46
Приближение Мамаю к пределам русским. Димитрий собирает сильное войско. Коварный поступок Олега, князя Рязанского.....	51
Ночь накануне битвы. Великий князь выезжает на Куликово поле и в глухую полночь предугадывает о победе	59
Димитрий объезжает полки и ободряет воинов к мужественному нападению	65
Поединок Александра Пересвета с татарским богатырем Челубеем. Битва русских с татарами. Татары одолевают русских.....	68
Мамай обращается в бегство. Димитрий от изнеможения едва не лишается жизни. Погребение мертвых тел. Заключение.....	76
Св. блгв. прп. Евфросиния, вел. княгиня Московская	85
Первенство Москвы	88
Договорные грамоты	
Вел. князя Литовского Ольгерда с вел. князем Димитрием Иоанновичем	115

Вел. князя Дмитрия Иоанновича и брата его князя Владимира Андреевича с вел. князем Тверским Михаилом Александровичем....	118
Вел. князя Дмитрия Иоанновича с вел. князем Олегом Иоанновичем Рязанским	125
Вел. князя Дмитрия Иоанновича с братом, князем Владимиром Андреевичем	128
Духовная грамота	
Вел. князя Дмитрия Иоанновича.....	133
Икона Божней Матери Доиская.....	142
Акафист пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы ее, именуемой Доиская	144

Дорогие Братья и Сестры!

Обращаемся к Вам с просьбой оказывать посильную материальную помощь в деле восстановления и ремонта помещений Крутицкого Патриаршего Подворья и для осуществления работы Душепопечительского центра во имя Святого Праведного Иоанна Кронштадтского, а также благотворительных программ Христианского Православного Благотворительного Фонда "Преображение".

Адрес: 109044, Москва, ул. Крутицкая, д. 11.
ХПБФ "Преображение". Тел. 276-37-77.

Руководитель ДПЦ
Доктор медицинских наук
Иеромонах Анатолий (Берестов)

Президент Фонда
А. А. Веденисов

**«ДУШЕПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕНТР
РЕАБИЛИТАЦИИ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПСЕВДОРЕЛИГИОЗНЫХ
ТОТАЛИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОККУЛЬТИЗМА
ВО ИМЯ СЯГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО»**

109044, г. Москва, Крутицкое Патриаршее подворье, Набережные палаты.

В настоящее время, в связи с большим притоком посетителей, Центр принимает к рассмотрению письма с вопросами к руководителю ДПЦ доктору медицинских наук иеромонаху отцу Анатолию (Берестову).

Краткие истории от пострадавших людей, их родных и близких – помогут разобраться в состоянии духовного здоровья пострадавшего и оказать ему помощь в преодолении недуга.

Вся информация и корреспонденция конфиденциальна.

Организаций и граждан способных оказать помощь и поддержку в развитии Центра, также просим направлять письма.

109044, г. Москва, а/я 22, иеромонаху отцу Анатолию (Берестову).

**Христианский Православный Благотворительный Фонд
"Преображение"**

собирает материалы и готовит к выпуску
ежегодный справочник-путеводитель

"Монастыри Русской Православной Церкви".

Также издает серию книг "Русские святые и подвижники".

Приглашаем к сотрудничеству книгораспространителей.

Заявки на приобретение книг и предложения по сотрудничеству

просим направлять по адресу:

109044, Москва, а/я 22.

Издательский отдел Фонда "Преображение".

Газета Московского Патриархата
«Московский Церковный вестник»

выходит два раза в месяц

Индекс в каталоге Агентства «Роспечать» — 50034

Можно подписаться также непосредственно в Издательстве. Для этого необходимо стоимость подписки оплатить по банковским реквизитам:

ООО «Издательство Московской Патриархии»,
ИНН 7704040549, Московский муниципальный банк -
Банк Москвы, р/с 40702810400390000044,
отд. Хамовническое, к/с 30101810500000000219,
БИК 044525219.

Адрес: 119435, Москва, ул. Погодинская, 20, к. 2.
Тел. отдела реализации: 245-30-68, 246-20-85.

Копию квитанции о переводе с вашим почтовым адресом и сообщением о количестве выписанных комплектов необходимо выслать в Экспедицию по тому же адресу. Тел. Экспедиции: (095)246-48-79.

По этому же адресу можно выслать деньги за подписку **почтовым переводом** (без заполнения банковских реквизитов), с пометкой «Подписка на «МЦВ»».

Стоимость подписки на 3 месяца (с учетом пересылки):

- 1 - 9 комплектов - 14 руб. за комплект;
- 10 - 29 комплектов - 12 руб. за комплект;
- 30 - 49 комплектов - 10 руб. за комплект;
- 50 и более комплектов - 8 руб. за комплект.

Серия

Русские святые и подвижники

**Святой благоверный великий князь
Димитрий Донской**

Лицензия ЛР № 030818 от 17.04.98 г.
Формат 60 x 88/32. Заказ № **622**
Усл.-печ. л. — 10. Тираж 5000 экз.

Издательство фонда «Преображение».
Москва, 1109044, ул. Крутицкая, д. 11.

Издательство готово рассмотреть совместные издательские программы.

Свои отзывы о книге, предложения и пожелания
просим направлять по адресу: 109044, Москва, а/я 22, Рудину Л. Г.

Отпечатано в ОАО «Типография № 9»
109033, Москва ул. Волочаевская, д. 40.

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ